

О ПРОЦЕССЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ

А. Т. Лукьянов

Непрерывная революция в естествознании остро ставит вопрос о разработке «логики развития познания», «логики научных открытий», «логики возникновения нового знания». Проникнуть в сокровенные тайны научного творчества и обнажить познавательный «механизм» возникновения нового знания — одна из главных задач диалектики как логики и теории познания.

Предпринятые в марксистской литературе шаги специального изучения процесса возникновения нового знания¹, по-видимому, кладут начало созданию теории нового знания, которая войдет как составная часть в общую теорию научного познания. Нисколько не преувеличивая значения теории нового знания, можно сказать, что она должна стать краеугольным камнем диалектики как логики и теории познания. Исследование процесса возникновения нового знания подготавливает некоторые предпосылки для определения возможного построения и возможного теоретического развертывания диалектики как логики и теории познания методом восхождения от абстрактного к конкретному. Именно с этой точки зрения и рассматриваются в данной статье некоторые вопросы теории возникновения нового знания.

1. Возникновение нового знания как показатель развития познания. История свидетельствует, что познание переходит от одной стадии развития к другой, что возникают новые предметы и новые методы познания, новые теории и новые науки, что изменяется и развивается как объект познания, так и его субъект — человеческое общество. В этом сложном процессе развития познания из всех тех форм, в которых он выражается, производство нового знания есть самая простая, а потому и трудно доступная для научного исследования форма. Не удивительно, что до сих пор она менее всего исследована. В науке о познании, как и в других науках, многие вопросы рассматриваются сначала в сложной

¹ М. Корнфорт. Диалектический материализм. Изд-во ИЛ, 1957; Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. Изд-во АН СССР, 1960; Г. С. Батищев и Ю. Н. Давыдов. Проблема абстрактного и конкретного и трудности ее исследования. «Вопросы философии», 1961, № 8; П. В. Копнин. Диалектика как логика. Изд-во Киевского университета, 1961; П. В. Копнин. Диалектическая логика и научное исследование. «Вопросы философии», 1962, № 10; Г. С. Батищев. Противоречие как категория диалектической логики. Изд-во «Высшая школа», 1963; И. В. Кузнецов. Взаимосвязь физических теорий. «Вопросы философии», 1963, № 6; В. И. Столяров. Подход к диалектической обработке истории научного познания. Сб. «Диалектика — теория познания. Проблемы научного метода». Изд-во «Наука», М., 1964; Психологические аспекты процесса возникновения нового знания исследуются уже давно в советской науке. См. С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Изд-во АН СССР, М., 1957; его же. О мышлении и путях его исследования. Изд-во АН СССР, М., 1958; Я. А. Пономарев. Психология творческого мышления. Изд-во АПН РСФСР, М., 1960.

форме, прежде чем найдено их разрешение в элементарном виде. Все многочисленные формы выражения развивающегося познания: и создание новых, более эффективных методов познания, и производство более точных средств экспериментирования, и открытие новых объектов исследования, и совершенствование человеческого искусства познавать мир и т. д. и т. п. — подвергались неоднократному и основательному исследованию в большей мере, чем процесс возникновения нового знания. На протяжении своего исторического развития теория познания больше интересовалась вопросом, как наука создает новое знание, чем вопросом, как из нового знания создается наука, т. е. она приходила к исследованию производства нового знания, вместо того чтобы исходить из него. Наука не только создает новое знание, но и в постоянно расширяющихся масштабах воссоздается из нового знания.

Новые теории и новые методы, новые науки, возникновение которых продолжается на наших глазах, создаются благодаря неумолимому производству все новых и новых знаний, поэтому понимание этих сложных, а следовательно, и более конкретных форм, выражающих развитие познания, останется абстрактным до тех пор, пока не будет основательно исследован самый абстрактный момент этого развития — процесс возникновения нового знания. Исследование возникновения нового знания должно стать поэтому отправным пунктом для объяснения других, более сложных форм выражения развивающегося познания.

Рост знаний — бесспорный и известный в любой науке факт. В сущности только ту деятельность можно действительно назвать познавательной, которая постоянно производит новые знания. Прекращение этого производства равносильно смерти познания. Непрерывное возрастание знаний — всеобщий закон общественного процесса познания, а постоянное производство новых знаний — его всеобщая основа. Возникновение нового знания является самым точным показателем развития познания, самым надежным свидетельством его расширения и углубления.

Новое знание, независимо от его формы, на первый взгляд кажется разностью между тем знанием, которым уже владел субъект до процесса познания, и тем знанием, которым владеет он после этого процесса, это «надбавка» к прошлой системе знаний, приобретенная в результате новой познавательной деятельности, связанной с познанием субъектом новых явлений. Но развитие познания — не просто арифметическое суммирование одних знаний с другими, а сложный процесс качественного преобразования старой совокупности знаний. Знания человека не только растут, но и развиваются. Совокупность накопленных знаний есть органически целостная система, в которую результаты истории познания включаются таким образом, что не только новая «надбавка», расширяющая и углубляющая наше познание мира, является современной, но и прошлые результаты также современные, если они входят во вновь образованную систему научных знаний. Отсюда новое знание можно определить и через движение старой совокупности знаний как процесс ее обновления и развития. Поэтому, исследуя рождение нового знания, нельзя себе представлять дело так, будто новое знание образуется изолированно, вне накопленных ранее знаний и лишь потом присоединяется к последним. Оно образуется в старой совокупности знаний и благодаря ей, так как его образование и преобразование старой совокупности знаний есть единовременный процесс. В процессе познавательной деятельности не приходится совер-

шать двойной работы — сохранять старые и приобретать новые знания. Прибавление вновь добытых и сохранение ранее накопленных знаний суть два результата, достигаемых в одном и том же процессе познания.

2. Основные сферы познавательной деятельности и становление нового знания. Чтобы рассмотреть процесс производства нового знания и выяснить специфическую роль каждой сферы познания в этом производстве, необходимо определить, как изменяется взаимоотношение этих сфер на научной стадии развития общественного процесса познания, в отличие от его донаучной стадии.

Возникновение нового объекта исследования — прежде всего дело практики, а потом уже и сознания. Без новой познавательной деятельности движение в сфере сознания готовых, образованных знаний не дает и не может дать новых знаний. Поэтому не в сфере только сознания нужно искать источник новых знаний. Его необходимо искать в области познавательной деятельности, основанной на материальном, практическом взаимодействии субъекта и объекта. Объективный мир познается на базе материальной деятельности человека. Материальный процесс преобразования мира — а без преобразования мира невозможно его познание — и есть тот процесс, посредством которого первоначально высекаются «искры» нового знания. Образование новых знаний, их приращение, возникает в первую очередь на основе практического преобразования материальных предметов, их превращения в предметы познания. Правда, после того как достигнуто новое знание и старая совокупность знаний преобразована в теоретически связную систему, создается иллюзия идеального самовозрастания знаний, ибо новое знание по форме выступает как теоретическое развитие прежде существовавших идей и принципов. Но за теоретическим развитием знаний всегда скрывается сдвиг в развитии общественной практики, вызвавший изменение той среды, в которой были выдвинуты исходные посылы теории, и позволивший сделать новые выводы. Этот сдвиг выражается в приобретении нового опыта — своеобразной формы становления нового знания в сфере практики. Диалектику «самодвижения» познания можно уяснить лишь на основе действительного самодвижения действительной общественно-исторической практики.

По мере развития общественной практики научных исследований создаются замечательные технические средства наблюдения, во много раз усиливающие органы чувств человека, которые благодаря этому усилению становятся способными видеть «невидимое», слышать «неслышимое», осязать «неосязаемое». С помощью искусственных средств познания субъект увеличивает количество эмпирических фактов — своеобразной формы становления знания в сфере созерцания. Теперь, когда приходится воспринимать такие явления, которые обычно вооруженными органами чувств не воспринимаются, смысл эмпирических фактов тем более раскрывается для сознания человека только посредством мышления.

Экспериментирование определяется потребностями развивающейся научной теории. Новое знание является необходимым результатом активной познавательной деятельности живущих в обществе, а следовательно, и общающихся между собой людей, а не случайным даром природы, который можно получить путем ее пассивного созерцания. Бесспорно, без деятельности органов чувств невозможна ни практическая, ни мыслительная деятельность: она составляет естественную основу для возникновения нового знания как в сфере созерцания, так и в других сферах, ибо первый контакт человека с внешним миром устанавливается посредством органов чувств, но рассматривать

созерцание как единственно познавательную деятельность было бы ошибкой. Значение чувственной деятельности не отпадает и на стадии научного познания, но ее роль на этой стадии существенно изменяется по сравнению с донаучным познанием. Ученый не просто созерцает ради созерцания, не просто воспринимает все, что попадает на глаза, когда он занят познанием. Он воспринимает результаты своей экспериментирующей деятельности. Ученый ставит тот или иной эксперимент не ради эксперимента. Всякий эксперимент ученого заранее подчинен его предшествующей теоретической деятельности, определяется потребностями развивающейся теории. Выбор эксперимента, его постановка обуславливаются ранее достигнутыми теоретическими результатами. Всякая серия последующих экспериментов — следствие прежде накопленных знаний. Усвоение этих знаний, проверенных практикой, как бы подводит к пониманию значения и смысла новых практических результатов и тех новых теоретических выводов, которые из них вытекают.

В процессе познания мира необходима не только практика для подтверждения предметной истинности человеческих знаний, но и верное понимание этой практики. Тот, кто отстал, кто не идет в ногу с ходом общественного познания, кто не усвоил ранее накопленных знаний, тому новые практические результаты ничего не говорят, ибо он их просто не способен понять. Теория познания, вплоть до Гегеля, упускала из виду роль и значение в дальнейшем развитии познания ранее приобретенных и накопленных знаний. А между тем накопление знаний изменяет характер последующего познания по сравнению с предыдущим, что свидетельствует о том, что научное познание строго подчиняется последовательной внутренней диалектике движения вперед. На научной стадии развития познания значительно возрастает обратное влияние ранее созданных знаний на практику, созерцание, мышление. Накопление знаний исторически достигает такого предела, когда человек начинает сознательно регулировать движение практики, созерцания и мышления, опираясь на знание его законов. Подчиняясь внутренней диалектике развития познания, ученый может осуществлять процесс познавательной деятельности в надлежащем порядке, а действительно научное познание не может быть беспорядочным.

Раскрывая движение нового знания в сфере мышления, теория познания должна установить, в какие формы облекается это движение, какое формальное содержание знания может вместить и способна выразить та или иная форма мышления, в какой последовательности развивающееся по содержанию знание приобретает и «сбрасывает» свои формы. Уже давно выдвинуто Энгельсом требование изучить формы мышления в процессе их движения и развития. Все предпринимавшиеся попытки изобразить развитие форм мышления в его необходимом движении не достигают чаще всего своей цели потому, что упускается обычно из виду, что именно развивается в движении и смене этих форм. Этого недостатка не лишена и исключительно интересная работа М. Н. Алексеева о диалектике форм мышления¹, ибо в ней не показано, как выражается становление и развитие нового знания в движении форм мышления. Исследовать формы и законы мышления с точки зрения развивающегося познания — значит не ограничиваться только проблемой выводного знания, а доводить исследование этой проблемы до изучения процесса выведения нового знания. Только таким образом можно выяснить познавательную ценность форм мышления.

¹ См. М. Н. Алексеев. Диалектика форм мышления. Изд-во МГУ, 1959.

Теоретическое разрешение последней проблемы определяется также и задачами борьбы с современной буржуазной философией, многие течения которой передают теорию нового знания целиком в ведение психологии¹. Старая, чисто формальная логика при разрешении проблемы нового знания стремилась изучать формы мышления, абстрагируясь от их содержания. В диалектике как науке необходимо изучать всеобщее содержание развивающегося знания в связи с его формами выражения в мышлении. Новое знание может быть знанием качественной и количественной определенности предмета, знанием его новых свойств, отношений, причин и т. д. Всеобщее содержание нового знания может быть фиксировано только с помощью всеобщих категорий.

При исследовании движения нового знания необходимо раскрыть познавательные функции категорий диалектики. Будучи историческим продуктом развития простейших понятий, категории, являющиеся понятиями высокой степени общности, становятся эффективным средством дальнейшего познания мира. Они применяются в любой науке, и в сущности с их помощью достигается не только отражение всеобщих связей мира, но и общественно значимое выражение содержания всех научных знаний, ибо категории являются научным олицетворением общественного характера всякой познавательной деятельности и ее результатов. До тех пор пока не была выяснена общественно-практическая природа познавательной деятельности человека, всеобщий и необходимый характер категорий, являющихся историческими продуктами этой деятельности, казался таинственным, непонятным, мистическим.

В диалектике как логике и теории познания необходимо не только всесторонне раскрыть вопрос о происхождении категорий, но и определить их роль в дальнейшем развитии познания. Каждый ученый, исследуя новый, еще не познанный объект, использует категории, определяя порядок своего исследования. Объект еще не познан, еще ученый не знает полностью его качественной и количественной определенности, его специфической меры и сущности, причин возникновения, но он знает, что объект имеет свою определенность, свою сущность, свое содержание и т. д., и он стремится обнаружить их, найти ответ на те вопросы, которые он заранее формулирует. Опираясь на категории, всякий ученый располагает общей диалектической программой исследования нового, еще не познанного объекта. Поэтому диалектика, изучая процесс производства нового знания, обязана раскрыть роль категорий в этом производстве. Очевидно, что и сам порядок рассмотрения категорий можно определить лишь исходя из той роли, какую они последовательно играют на научной стадии развития в образовании нового знания о новом объекте исследования, своеобразным отражением всеобщих связей которого они являются еще до его познания. В марксистской литературе уже давно выдвинуто требование разрабатывать систему категорий диалектики, исходя из принципа развития познания. Исследование возникновения нового знания позволяет уточнить этот правильный в общем виде принцип.

Разрешение проблемы возникновения нового знания должно соответствовать следующим условиям: новое знание и возникает в сфере сознания (ибо если оно создано, то оно тотчас же существует уже в сознании), и не возникает благодаря только сознанию (ибо его создание совершается в процессе познавательной деятельности, основанной на практике и не существующей без нее). Действительно, новое знание возникает лишь в сфере сознания и не без участия его, так как оно

¹ См. В. С. Швырев. Критика неопозитивистской концепции индуктивной логики. «Вопросы философии», 1961, № 3, стр. 75.

не может возникнуть вне ранее достигнутых и накопленных знаний, которыми уже располагает субъект в своем сознании и которые являются способом существования его сознания, но новое знание не может возникнуть только в сознании, так как оно является результатом познания нового, до этого еще не познанного и не познававшегося, а следовательно, еще и не осознанного объекта, существующего вне и независимо от субъекта и находящегося в нем за пределами его сознания. Материальный, еще не познанный объект должен быть еще только «пересажен» в человеческую голову как идеально осознанный объект. Это «пересаживание» совершается через практику и познание. Видимо, в старой системе знания человека выделяет, руководствуясь потребностями своей практической и теоретической деятельности и преимущественно необходимостью разрешать противоречия, возникающие в теории и практике, такие знания, применение которых в новом акте познавательной деятельности, основанной на практике, ведет к их возрастанию.

Трем основным фазам движения познания соответствуют три основные формы становления нового знания: в сфере практики — новый опыт, в сфере мышления — новая теория, в сфере созерцания — новая эмпирия. В диалектике как логике и теории познания необходимо исследовать новое знание сначала в чистом виде, его более простые формы выражения и методы производства (новое обобщение, новое определение, новое понятие и т. д.), прежде чем приниматься за исследование его сложных и высших форм: новая теория, новый метод, новая наука и т. д., ибо движение этих форм не может не подчиняться особым закономерностям.

3. Новое знание и общественное воспроизводство процесса познания.

Выработав познавательную способность, общество больше никогда ее не утрачивает, а развивает и с необходимостью воспроизводит в следующих поколениях. Повторное образование этой способности состоит в воспроизводстве живых индивидуумов. Это воспроизводство есть общественное производство и воспроизводство человеческой жизни, а вместе с ней и общественное воспроизводство познания. Каждое новое поколение застает и усваивает определенные результаты познания, достигнутые до него обществом. Усвоение этих результатов является необходимым для овладения той познавательной способностью, которую уже выработало общество, придя к этим результатам. Следовательно, воспроизводство познавательной способности есть воспроизводство субъекта познания, который усвоил результаты истории познания и в ходе этого усвоения приобрел способность продолжить познание мира.

Воспроизводство субъекта познания совершается в смене общественных поколений. В этой смене постоянно сохраняется процесс развития познания и общество как его субъект. Это значит, что в общественном процессе развития познания старшие поколения заканчивают незаконченное ими познание и начинают не начатое ими познание младшие поколения. Старый субъект познания в ходе своего движения воспроизводит новый, который его предполагает и отрицает. Чтобы в процессе усвоения предшествующих знаний субъект приобрел познавательную способность, необходимо, чтобы способ ее приобретения совпадал с тем способом, каким приобретена она обществом в историческом развитии его познавательной деятельности. Поэтому воспроизводство человека как субъекта познания проходит в сокращенном виде основные этапы исторического развития общественного познания, — в сокращенном виде потому, что иначе усвоение знаний превратилось бы в абсолютное повторение заново всей истории познания.

Познавательная способность — не только условие познания, но и его продукт. Как предпосылка познания она есть результат его истории. Степень познания и преобразования мира является мерой развития этой способности. Способность к познанию — исторически развивающаяся способность. Чтобы познание нового объекта было успешным, субъект должен применять в процессе своей познавательной деятельности соответствующую этому субъекту познавательную способность. История непрерывного познания все новых и новых объектов свидетельствует, что всякий раз, когда они возникают для субъекта и его сознания, субъект уже обладает более или менее соответствующей им познавательной способностью. Материальный мир существует до возникновения человека и его сознания, но он не является тогда объектом деятельности и познания. Быть объектом познания есть качество, приобретаемое природой в процессе ее исторического развития, порождающего человека. Вместе с историческим становлением человека как субъекта практики и познания природа также превращается в объект деятельности и познания.

Новый объект познания возникает перед наукой закономерно, в силу необходимого движения и развития познания и практики. Вплоть до Гегеля гносеология упускала из виду, что объекты сменяют друг друга в ходе развития познания в строго определенной последовательности. Не всякие, а лишь исторически определенные объекты возникают перед наукой в ее развитии, следовательно, не всякие, а лишь исторически определенные проблемы она решает. Эти объекты появляются прежде всего как результат активной познавательной деятельности общественного субъекта, основанной на его материальной практической деятельности. Открытие их закономерно опосредствовано всей его предшествующей познавательной деятельностью. Приближаясь к новому объекту познания, субъект одновременно вырабатывает и надлежащую познавательную способность, ибо в основе и открытия нового объекта, и приобретения познавательной способности лежит одна и та же познавательная деятельность. Новому объекту познания всегда соответствует познавательная способность, которая, будучи приведена в действие, дает новое знание. Этот закон подтверждается всем историческим ходом развития познания.

Исследуя переход познавательной деятельности от одного объекта к другому, нельзя себе представлять дело так, будто новый объект вырастает рядом со старым, изолированно от него, и субъекту остается лишь оставить последний и перейти к познанию первого. Новый объект вырастает из старого, предполагая и отрицая его. Часто старый объект оказывается только стороной, моментом, особой гранью нового объекта. А это значит, что процесс познания носит прерывный и в то же время непрерывный характер не только со стороны субъекта, но и со стороны объекта. В ходе познавательной деятельности заканчивается, не закончившись, познание старого объекта и начинается, не начавшись абсолютно заново, познание нового объекта. К новому пределу познания субъект подходит с возросшими познавательными способностями, и всякое новое знание есть не только результат возросшей силы человеческого познания, но и предпосылка его дальнейшего развития. В этом как раз заключается лучшая гарантия того, что наука и впредь будет успешно развиваться, что она не окажется бессильной в решении новых возникающих проблем.

Наука, вырастающая исторически из материального и духовного воспроизводства людьми своей жизни и оказывающая обратное влияние на материальную деятельность, создает не только проблемы, но

и соответствующие средства для их решения. Она не только открывает новые объекты изучения, но и создает новые, более совершенные орудия их исследования. Весь ход развития научного познания является решительным опровержением агностицизма, пессимистическое утверждение которого о том, что в будущем человек якобы станет бессильным в изучении мира, основывается на внеисторическом понимании познавательных способностей человека.

Материалистическая диалектика как логика и теория познания должна показать, как воспроизводится весь процесс познания, все его необходимые условия и предпосылки на основе и в ходе общественно-исторической практики, и определить, какую роль играет сам процесс познания в его общественном воспроизводстве. Поставить перед диалектикой такую задачу — значит рассматривать познание с весьма широкой точки зрения, а именно: как момент, как духовную потенцию материального производства и воспроизводства человеком своей общественной жизни, как естественно-исторический процесс и форму выражения общественного развития, но не как идеальный сугубо автономный процесс самовозрастания знаний. Однако диалектика как наука изучает не воспроизводство человека как человека, — это задача многих наук, — а воспроизводство его как субъекта познания; быть же субъектом познания — это не единственное выражение человека как человека. Но так как субъект познания воспроизводится в ходе общественной жизни, то диалектика как логика и теория познания обязательно должна включить основные посыпки жизни общественного человека¹, выясняя тем самым общественные условия развития познания.

4. Возникновение нового знания и проблема осознания объективного мира. Приобретая знание об объекте, существующем вне и независимо от последнего, человек осознает его бытие. Хотя вещи существуют самостоятельно, вне и независимо от сознания, но для сознания человека вещь открывается благодаря созданию понятия о ней. Осознание есть специфически человеческий способ отражения мира, осуществляемый путем образования понятий, но человек в своем сознании рано или поздно создает также понятие о том, что вещь существует вне и независимо от ее понятия. Следовательно, вопрос может заключаться только в одном: как человек, зная вещи через создание понятий, в то же время знает, что понятие — это не вещь, и вещь — это не понятие, что вещи существуют до понятия и независимо от него. Иначе говоря, каким образом достигается осознание объективного мира таким, каким он существует сам в себе.

Диалектика не занимается доказательством существования мира. Реальная жизнь, практическая деятельность убедительно доказывают человеку объективное бытие мира. Наивный реализм обыденного сознания — следствие этого доказательства. Диалектика исследует процесс развития познания, в ходе которого человек приходит к выводу о существовании объективного мира, исследует для того, чтобы открыть законы осознания объективного мира и овладеть ими. Являясь в мир без знаний, человек по мере развития познания приходит к выводу о существовании мира и сознания. Он узнает, что мир существовал до его сознания, но узнает лишь после возникновения его сознания. Он знает, что мир существует вне сознания, но знает лишь постольку, поскольку обладает сознанием. Он знает, что мир будет существовать после сознания, но знает до того, как исчезло его сознание. Реальная жизнь не позволяет человеку усомниться в существовании мира, но

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 184.

она сама по себе еще не показывает человеку, как совершается осознание мира. Для этого нужна наука. Субъективный идеализм, игнорируя общественную природу познания и процесс развития познания, отрицает вообще существование мира. Объективный идеализм, отождествляя знание о предмете и предмет знания как формы бытия божественного сознания, извращает процесс осознания объективного мира. Только материалистическая теория развития познания может раскрыть сущность этого процесса, ибо вывод о существовании мира есть результат развития практики и познания, и процесс приобретения новых знаний во всем объеме выражения и развития — это и есть процесс осознания объективного мира. Источником получения новых знаний может быть лишь предмет, существующий вне сознания и независимо от него, ибо предмет, существующий в сознании, был бы абсолютно известным, так как знание — это способ существования и самого сознания и предмета для сознания.

Предмет знания и знание предмета для сознания человека не сливаются в неразличимое тождество потому, что всегда есть возможность для получения новых знаний, и человек знает о существовании этой возможности благодаря осознанию развития познания — сначала стихийным, а впоследствии и научным образом. В действительных предметах объективного мира всегда остается нечто неосознанное и непознанное человеком. Что мир существует вне и независимо от сознания, человеку известно благодаря приобретению новых знаний, развитию практики и познания. Когда идеалисты отрицают объективное бытие мира, они не принимают во внимание тот неоспоримый факт, что общество знает сегодня больше, чем вчера, а завтра будет знать больше, чем сегодня. Объективно существующий мир — постоянный объект для приобретения новых знаний, и само знание об объективном существовании мира в целом на определенном этапе развития познания было произведено человеком как новое знание. Теория нового знания может быть лишь теорией материалистической.

Приобретая новые знания о мире, человек может заявить, что лишь сегодня, а не вчера, он узнал мир таким, каким он является на самом деле. Но так как человек не начисто отбрасывает старые знания, а с необходимостью удерживает их и сохраняет в преобразованном и обогащенном виде, то он может заявить, что и вчера, а не только сегодня, он знал мир таким, каким он является в действительности.

Тезис субъективного идеализма о том, что мир таков, каким его знает субъект, и есть лишь мир его сознания, разбивается исследованием развития сознания. Вместе с тем обнаруживается односторонность метафизического материализма, согласно которому человек познает мир только таким, каким он есть на самом деле.

Мир и таков и не таков, каким его познает и знает субъект; человек и познает и не познает мир таким, каким он есть в действительности. Разрешение этого противоречия в процессе развития практики и познания ведет к тому, что человек все более и более познает мир таким, каким он есть в действительности. Объем абсолютной истинности человеческих знаний все время увеличивается, хотя соответствие знаний действительности есть процесс, совершающийся через постоянное и никогда не заканчивающееся производство новых знаний. Теория нового знания, рационально объясняющая противоречие процесса осознания объективного мира, может быть лишь теорией диалектической. Тайна осознания объективного мира и самосознания человека есть тайна общественного производства нового знания.

О СПЕЦИФИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

В. С. Манешин

Вопрос о сущности и специфике художественного мышления, об общих чертах и различиях между мышлением научным и художественным представляет значительный интерес и широко обсуждается в нашей научной литературе. В ходе этого обсуждения в ряде случаев недостаточно четко определяются объект, соотношение объективного и субъективного и другие специфические особенности художественного мышления. Последнее часто характеризуется также как мышление низшего порядка по сравнению с научным, как мышление исключительно образное.

Серьезные ошибки, искажающие не только специфику, но и сущность художественного мышления, имеют место в работах А. Егорова, И. Астахова и некоторых других авторов. Так, в книге «Искусство и общественная жизнь» А. Егоров, обращаясь к вопросу о специфике художественного и научного мышления, в общем правильно отвергает всякие попытки их противопоставления. Для него «и научное и художественно-образное познание отражает объективный мир, развивается в процессе общественной практики и совершает путь от ощущений, непосредственных наблюдений к обобщениям и затем к практике как критерию истины»¹. Но как только А. Егоров переходит к характеристике специфики «художественно-образного познания», то сразу же перечеркивает все сказанное выше, совершенно игнорирует то, что сам только что утверждал. «Наука и искусство, — пишет он, — разные способы познания действительности. Художник не только «пишет образно», он мыслит художественными образами, а не просто «переводит» логическое понятие в конкретно-чувственный образ. Это относится и к стадии «обдумывания произведения» и к процессу работы над ним»².

А. Егоров считает художественное и научное мышление едиными лишь постольку, поскольку они отражают действительность, ее существенные стороны и взаимосвязи. За пределами этого единства между ними, по его мнению, нет и не может быть ничего общего.

Так же определяет специфику художественного мышления и И. Астахов, для которого «художественный образ — форма мышления»³. Он уверяет читателя, что «понимание искусства как мышления образами пользуется широчайшим признанием. В эстетике социалистического реализма это положение — одно из основополагающих»⁴. И. Астахов также возражает против попыток сближения научного и художествен-

¹ А. Егоров. Искусство и общественная жизнь. Издательство «Советский писатель», М., 1959, стр. 132.

² Там же, стр. 134.

³ И. Астахов. Содержание и форма художественного произведения. Государственное издательство художественной литературы, М., 1963, стр. 28.

⁴ Там же, стр. 28.

ного мышления, против стремлений не проводить между мышлением художника и ученого резкой разграничительной линии. Он исходит из того, что существуют две формы мышления — логическое или научное и художественное, между которыми якобы имеются существенные, качественные различия. Однако примеры, к которым обращается И. Астахов для подтверждения этого тезиса, указывают лишь на различия в завершающей стадии процесса мышления художника и ученого, когда его результаты воплощаются для художника в конкретно-чувственные художественные образы, а для ученого — в соответствующие научные абстракции. Как же проходит сам процесс «мышления образами», каковы его особенности и основные ступени — остается загадкой как для читателя, так, очевидно, и для автора.

Сторонники точки зрения на художественное мышление как мышление образами часто ссылаются на И. П. Павлова — на известную стенограммическую запись его выступления на очередной «среде» 9 января 1935 года. «Я пришел к заключению о том, — читаем мы в этой стенограмме, — что имеются два специально человеческих невроза — именно истерия и психастения, причем я это связал с тем, что человек представляет собой два типа высшей нервной деятельности, а именно: тип художественный, следовательно, аналогичный, приближающийся к животному, которое тоже воспринимает весь внешний мир в виде впечатлений только непосредственными рецепторами, и другой тип — умственный, который работает второй сигнальной системой. Таким образом, мозг человеческий является сложившимся из животного мозга и из раздела человеческого в виде слова. У человека начинает преобладать эта вторая сигнальная система. Можно думать, что при некоторых неблагоприятных условиях, при ослаблении нервной системы может вновь произойти это филогенетическое разделение мозга, тогда возможно, что один будет преимущественно пользоваться первой сигнальной системой, а второй — преимущественно второй сигнальной системой. Это разделяет людей на художественные натуры и чисто умственные, абстрактные натуры»¹.

Из стенограммы «среды» следует, что И. П. Павлов делил всех людей на три типа: средний, художественный и интеллектуальный или, иначе, мыслительный и абстрактный. Это различие в типах, по его мнению, связано с существованием таких различных, хотя и взаимосвязанных между собой систем высших отделов нервной системы, как подкорковая, первая и вторая сигнальные системы. «В норме у человека со здоровым смыслом, — говорил он на одной из «сред», — эти три системы находятся в равновесии. Среди великих людей это равновесие наблюдается лишь как крайняя редкость, например, в новой истории у Леонардо-да-Винчи и Гете, а в древней истории у Лукреция, развившего атомистическую теорию и писавшего художественные произведения. У остальных великих людей либо преобладают художественные склонности, как у Л. Н. Толстого, либо мыслительные, как у Фирша, Гегеля и др.»².

Сравнивая художника и ученого, И. П. Павлов делал вывод, что для художника характерно восприятие из внешнего мира как существенного, так и несущественного без соответствующего анализа и что, следовательно, его аналитическая деятельность по сравнению с ученым значительно ограничена³.

¹ Павловские среды. Издательство АН СССР, М.-Л., 1949, т. III, стр. 8—9.

² Там же, т. I, стр. 272.

³ Там же, стр. 149.

Но к этим высказываниям И. П. Павлова следует относиться критически хотя бы потому, что стенограммы «сред» им никогда не правились и в таком виде впервые были опубликованы в 1949 г. — к столетию со дня его рождения. Л. А. Орбели в своем докладе, прочитанном в Ленинградском обществе физиологов им. И. М. Сеченова 6 октября 1944 г., не только впервые обратил на это внимание, но и уточнил взгляды своего учителя по этому вопросу. «И. П. Павлов, — разъяснял Л. А. Орбели, — проводил грань между людьми различного склада. Он характеризовал людей как людей с «художественным» складом и с «мыслительным» складом нервной системы. Он высказывался в том смысле, что люди художественного склада — это те, которые преимущественно используют первую сигнальную систему, действуют и живут в пределах конкретных фактов, а люди мыслительного склада используют преимущественно вторую сигнальную систему, живут и действуют в мире отвлеченных понятий. Из этого представления можно было бы сделать неправильный вывод о том, что художественная натура — это работники искусства и что последние имеют только первую сигнальную систему, а ученые и мыслители могут использовать вторую сигнальную систему. Это был бы неправильный вывод из представлений И. П. Павлова. В действительности Иван Петрович не так примитивно представлял себе дело. Когда он говорил о художественной и мыслительной натуре, он не имел в виду делить людей на представителей искусства и представителей науки потому, что и в искусстве вторая сигнальная система является доминирующей»¹.

Для Л. А. Орбели, как и для И. П. Павлова, деление людей на художественные и мыслительные натуры никак не связано с различием в мышлении художника и ученого. И в художественном, и в научном творчестве в одинаковой мере используется вторая сигнальная система, характеризующая более высокий уровень высшей нервной деятельности человека, а не преимущества научного мышления по сравнению с художественным. «Следовательно, — заключал Л. А. Орбели, — разграничение по признаку художественной натуры по Павлову не следует смешивать с разграничением представителей искусства и науки, где речь идет о различных формах проявления второй сигнальной системы»². Л. А. Орбели, таким образом, не только решительно отвергает попытки противопоставить художественное мышление научному, представить мышление художника как нечто низшее по сравнению с мышлением ученого, но и защищает И. П. Павлова от тех, кто, некритически подходя к его наследию, искажает взгляды выдающегося русского ученого, а также сущность и специфику художественного познания.

В данном случае имеет место простое повторение ошибочного утверждения Д. И. Писарева о неспособности художников к созданию абстракций. Называя писателей и поэтов титанами воображения, а ученых и политических деятелей — титанами двух высших категорий, он писал о первых: «Эти люди не делают ни открытий, ни переворотов. Они только схватывают и облачают в поразительно яркие формы те идеи и страсти, которые воодушевляют и волнуют их современников. Но идеи должны быть выработаны и страсти предварительно возбуждены другими — титанами двух высших категорий. Материалом может служить для титанов воображения только то, что люди знают, и то, чего они хотят»³.

¹ Л. А. Орбели. Вопросы высшей нервной деятельности. Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 425—426.

² Там же, стр. 427—428.

³ Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах. Государственное издательство художественной литературы, М., 1956, т. 4, стр. 212.

Стать на подобную точку зрения значит отрицать не только возможность, но и способность художника подниматься до глубоких обобщений и выводов и, как следствие этого, превратить искусство в простую фотографию действительности, в средство иллюстрации идей выдающихся личностей.

Свой вывод о неспособности художников к созданию абстракций Д. И. Писарев мотивировал тем, что не все человеческие знания можно облечь в яркие и блестящие художественные формы — нельзя написать поэму о спутниках Юпитера, «скрытом теплороде» или «произвольном зарождении». По его мнению, предмет поэмы может быть «только та часть человеческих знаний, которая глубоко затрагивает «человеческие страсти» и «междучеловеческие отношения»¹.

Такое определение предмета искусства в основе своей правильно, но не полно. Дело в том, что кроме «человеческих страстей» и «междучеловеческих отношений» существуют еще и отношения между человеком и окружающей его природой; среди последних ведущее место занимает сознательная и целенаправленная деятельность людей по преобразованию природы в соответствии с человеческими потребностями — производство материальных благ. А так как способ производства определяет структуру общества и различные отношения внутри него, то искусство помимо «страстей» человека и отношений между людьми должно интересоваться и их первооснова — отношения людей к окружающему их миру природы. Значит, возможны и необходимы поэмы и о спутниках Юпитера, и о «пользе стекла», и о природе вещей и других предметах и явлениях. Исключения могут составить лишь некоторые факты действительности, которые по той или иной причине невозможно непосредственно отобразить в искусстве. Но это ограничение сравнительно условно и не может быть выражено в категорической форме.

Предмет искусства — окружающий человека мир, в том числе общественная жизнь во всех ее самых разнообразных и порой противоречивых проявлениях, внутренний мир самого человека. Чтобы создать произведение искусства, художник должен познать эту объективную действительность, исследовать те ее предметы, явления и процессы, которые станут потом объектом его изображения. Без такого изучения, научного исследования он не может создать типических образов, а значит и глубоко отобразить жизнь, создать подлинно правдивое, реалистическое произведение. «Я никогда, — вспоминал Н. В. Гоголь, — не писал портрета, в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображенья, а не воображенья. Чем больше вещей принимал я в соображение, тем у меня верней выходило создание»².

Следовательно, научное познание окружающего нас мира входит составной частью в художественное познание его. Но если научное мышление, начинаясь с ощущений, развивается далее в понятиях, суждениях и других абстрактных логических категориях, то и художественное мышление должно проходить и проходит тот же путь — от чувственно-конкретных ощущений до абстрактных логических категорий.

Абстрагирующая способность, способность к образованию абстракций одинаково присуща как художнику, так и ученому, равно как и всем без исключения людям. Отрицать это — значит отрицать, что законы мышления носят общечеловеческий характер. Наравне с ученым художник способен подниматься и поднимается до глубоких обобщений

¹ Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах. Государственное издательство художественной литературы, М., 1956, т. 4, стр. 212—213.

² Н. В. Гоголь. О литературе. Государственное издательство художественной литературы, М., 1952, стр. 234.

и выводов, которые есть не что иное, как результат его абстрагирующей деятельности. Находя в случайном закономерное, он проникает в сущность событий и процессов, предвидит направление их дальнейшего развития. Именно этим объясняется тот факт, что в ряде случаев выводы художника опережают научные выводы, более полно отражают основные тенденции и закономерности развития действительности. В качестве примера достаточно указать на историю искусства. Еще на раннем этапе своего развития люди в созданных ими мифах пытались дать объяснение действительности — художественное творчество было для того времени единственной в смысле возможности и доступности формой познания и освоения мира. В последующие века, после отделения от искусства науки, познавательная сторона искусства не только не утратила своего значения, но и получила дальнейшее развитие.

Абстракции художника ничем не отличаются от абстракций ученого. Это не значит, однако, что художественное мышление лишено какой бы то ни было специфики по сравнению с мышлением научным. Как особой форме мышления ему присущи свои закономерности, свой особый подход к познанию и отображению действительности.

Известно, например, что результаты своей работы по исследованию действительности, выработанные в процессе мышления абстракции, ученый воплощает в отвлеченных от конкретно-чувственных признаков и свойств ее предметов и явлений различных логических категориях — гипотезах, законах и т. д. В отличие от него, художник на основе аналогичных возникших у него в процессе мышления абстракций создает конкретно-чувственные, художественные образы, картины, которыми он и действует на чувства, фантазию читателей, зрителей, обращается к хранящемуся в их памяти «багажу» конкретно-чувственных представлений, эстетических привязанностей, симпатий и антипатий, накопленных на протяжении всей сознательной жизни и ассоциирующихся с вновь вызванными художественными произведениями, мыслями и чувствами. В художественном мышлении, таким образом, обобщенное отражение действительности выражается через единичное, индивидуальное. «Философ, — писал В. Г. Белинский, — говорит силлогизмами, поэт — образами и картинами, а говорят оба они одно и то же. Политико-эконом, вооружаясь статистическими числами, доказывает, действуя на ум своих читателей или слушателей, что положение такого-то класса в обществе много улучшилось или много ухудшилось вследствие таких-то и таких-то причин.

Поэт, вооружаясь живым и ярким изображением действительности, показывает в верной картине, действуя на фантазию своих читателей, что положение такого-то класса в обществе действительно много улучшилось или ухудшилось от таких-то и таких-то причин. Один доказывает, другой показывает, и оба убеждают, только один логическими доводами, другой — картинами»¹.

В тех случаях, когда сохранившиеся в прошлом опыте реальные впечатления оказываются недостаточными для создания типического художественного образа, художник вновь обращается к действительности, в ней ищет и находит недостающие ему для воплощения имеющихся понятий и обобщений образы. Так, например, искали натуру В. Г. Перов для задуманной им картины «Тройка», В. В. Верещагин — для картины «Не замай. Дай подойти». Не менее важно и то, что из суммы первичных конкретно-чувственных образов художник отбирает

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 10. Издательство АН СССР, М., 1956, стр. 311.

только те, которые наиболее полно, с его точки зрения, характеризуют данный предмет или явление, выражают их сущность и тенденции дальнейшего развития, являются типическими.

В статье «О гносеологической природе художественного обобщения» А. И. Буров на вопрос о том, существует ли специфика в самом процессе обобщения художника и можно ли его абстракции отождествить с абстракциями ученого-мыслителя, отвечает: «Несмотря на то, что художник тоже пользуется понятиями, такого отождествления сделать нельзя»¹. По мнению автора статьи, это объясняется тем, что понятие, будучи отражением наиболее общего, существенного в вещах и процессах, не является непосредственно данным, оно лишено чувственности.

В данном случае А. И. Буров не учитывает того, что хотя процесс научного мышления и завершается отвлеченными от конкретно-чувственных свойств предметов и явлений действительности понятиями, однако это отвлечение неполное. Даже тогда, когда ученый имеет дело лишь с абстракциями, в его сознании они неизбежно, хотя и в общих чертах, ассоциируются с теми или иными реальными впечатлениями, с наглядными конкретно-чувственными образами объектов действительности. В художественном мышлении понятия, как и другие абстракции, более тесно переплетаются с конкретно-чувственными признаками, возникающими на первой ступени познания. На этой основе его абстракции перерастают затем в художественные образы, которые через единичное, но вместе с тем и особенное выражают общее, наиболее существенное для данных предметов, явлений и процессов. Но так как общее, существенное всегда выражается в форме понятий, то, следовательно, и типический художественный образ не может возникнуть и не возникает иначе, как на основе понятий, тождественных по своему содержанию независимо от того, возникают ли они в научном или художественном мышлении.

Писатель, художник изображает часто не только то, что стало предметом его пристального внимания в настоящее время, но и то, что было в его прошлом опыте. В таком случае перед нами художник с уже сложившимися представлениями об окружающей жизни, с определенными взглядами на направление, тенденции ее развития, с ясно выраженным мировоззрением, с определенной системой абстракций, выработанных в ходе изучения тех или иных сторон действительности. Поэтому, говоря о возникающих в процессе изучения реальной действительности ощущениях и абстракциях художника, а затем воплощении абстракций в конкретные, чувственно-осязаемые художественные образы произведения, следует иметь в виду, что такие звенья этого процесса, как образование абстракций и их воплощение в конкретные образы, часто отделены друг от друга значительными промежутками времени.

Возникая на основе конкретно-чувственных образов действительности, художественный образ в то же время никогда не бывает и не может быть равным им. В отличие от своих прообразов он обогащен мышлением художника, озарен светом его идей, возникших на основе изучения и обобщения реальных жизненных процессов, изображаемых предметов и явлений окружающей нас жизни и внутреннего мира самого человека. Процесс создания художественного образа есть вместе с тем также и процесс дальнейшего углубления абстракций художника, их развития в смысле отражения наиболее существенных и характерных

¹ А. И. Буров. О гносеологической природе художественного обобщения. «Вопросы философии», 1951, № 4, стр. 108.

сторон объективной действительности, дальнейшего обобщения закономерностей ее развития.

Произведение искусства—это отображение не только окружающего объективного мира, но и отношение к нему художника, иными словами, оно представляет собой единство объективного и субъективного. Если в процессе научного мышления человек в той или иной мере игнорирует свои личные пристрастия и стремится к роли стороннего наблюдателя, то в мышлении художественном наряду с отображением объективной действительности выражаются мысли, идеи и чувства, эмоции самого художника, его отношение к миру, который он открывает читателю, зрителю или слушателю.

В процессе создания художественного образа важную роль играет и воображение, фантазия его творца. С помощью фантазии образы дополняются такими чертами и признаками, которые в данное время художник не мог обнаружить в действительности, но которые по его понятиям являются существенными, характерными для изображаемых объектов в их движении и развитии. От способности художника постичь закономерности мира, основные тенденции его развития зависит, насколько дорисованная воображением и положенная в основу произведения идея соответствует действительным фактам, ее жизненность и убедительность.

Н. Г. Чернышевский, характеризуя Л. Н. Толстого как художника, обладающего истинным талантом, объяснял художественность его произведений тем, что «в каждом из них очень полно осуществляется именно та идея, которую он хотел осуществить в этом произведении»¹. Произведения великого русского писателя—результат длительной и кропотливой работы по изучению окружающей его действительности, по обобщению важнейших ее сторон, тенденций развития. В тех случаях, когда у Л. Н. Толстого идея произведения не вытекала из самой действительности, а наоборот, действительность укладывалась в заранее сконструированную и оторванную от жизни идею, последняя оказывалась нежизненной, риторичной и приходила в противоречие со всей системой художественных образов, призванных отразить правду реальной жизни.

Конечно, не следует думать, что художник вначале находит, выдумывает без опоры на действительность идею, а затем уже воплощает ее в конкретные художественные образы, подбирает, «подгоняет» к ней те или иные факты, т. е. пишет «сочинение на заданную тему». Идея возникает у художника как следствие пристального и глубокого изучения им действительности, а не привносится извне.

К чему приводят в художественном творчестве такие привнесенные извне идеи можно проследить на примере романа Г. Николаевой «Жатва». В статье «О специфике художественной литературы» писательница рассказывает, что до 1947 г. она не знала жизни села, была «профаном в колхозных делах». Несмотря на это, в том же году она решила написать роман о колхозной жизни, поставить в центре его вопросы о послевоенных трудностях в колхозном строительстве и о том, «как постепенно изживается в стране и в сознании извечная «двойственность» крестьянства, какими трудностями она чревата и какие формы принимает на разных этапах развития»². Таким образом, совершенно еще не зная жизни и не имея даже представления о ней,

¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения. Госполитиздат, М., 1950, т. II, стр. 62.

² Г. Е. Николаева. О специфике художественной литературы. «Вопросы философии», 1953, № 6, стр. 97.

Г. Николаева определяет тему и идею большого произведения. Она посещает один из колхозов, где «всю ночь до утра» говорит с колхозниками, а затем читает теоретическую литературу по крестьянскому вопросу, главным образом «о двух сторонах крестьянства, о крестьянине-труженике и крестьянине-собственнике»¹. Впервые в жизни Г. Николаева приехала в колхоз в сентябре 1947 г., а уже в феврале 1948 г., по ее свидетельству, был написан не только черновой вариант романа «Жатва» (опубликован в 1949—1950 гг.), но и монография о колхозной экономике, изданная Сельхозгизом. В период подготовки и написания романа она больше собирала и изучала статистические отчеты, а не жизнь, думы, чаяния, нужды и горести, психологию людей, которые должны быть в центре внимания подлинного художника-писателя и его произведения. «Я изучила, — писала Г. Е. Николаева в названной выше статье, — сотни колхозных отчетов, составила десятки большущих статистических таблиц. Меня увлекла статистика, но не сама по себе, как она увлекла бы ученого, а лишь потому, что она давала точное цифровое выражение дел тех людей, которых я любила и о которых я писала»². Читатель, знакомый с романом «Жатва», согласится, что статистика закрыла от писателя главное — людей, их психологию, те действительные конфликты, которые имели место в колхозной деревне в 1947 году.

Глубоко ошибочен и тот вывод, который писательница сделала во время своих наблюдений за колхозной жизнью и который стал как бы одним из лейтмотивов романа: «...Я побывала в нескольких колхозах, которые с приходом хорошего руководителя буквально на глазах, в течение 6—12 месяцев, вырывались из отстающих»³. Если б дело было только в руководителях, то разве не нашлись бы они в такой огромной и богатой талантами стране! И как было бы легко и просто разрешить все трудности, связанные с развитием сельского хозяйства!

Нет, «сочинение на заданную тему» явно не удалось и вместо большого, нужного романа читатель получил произведение, о котором вскоре забыл и, пожалуй, никогда не вспомнит. Подобная неудача постигнет художника во всех случаях, когда он подходит к действительности с предвзятой, заранее сформулированной в отрыве от конкретной действительности идеей.

Игнорирование объективной сущности различных сторон действительности и основных тенденций их закономерного развития в угоду предвзятой идее, эмоциям самого художника неизбежно приводит к извращению объективной истины и снижению художественной ценности произведений искусства, их воздействия на человека. Искусство в таком случае неизбежно скатывается к натурализму и формализму, превращается в средство иллюстрации социальных идей, а его неограниченные возможности как учебника жизни сужаются и сводятся на нет.

Если иметь в виду не «Жатву» Г. Николаевой и подобные ей «сочинения на заданную тему», а подлинно реалистические творения великих мастеров искусства, творения, оставляющие глубокие следы в сознании читателей и зрителей, то следует отметить, что в них идея неотделима от самого произведения. Как и художественный образ, она возникает в результате конкретного анализа конкретной действительности и потому выступает в тесной взаимосвязи, единстве с ним. Идея художественного произведения может созреть и созревает на базе всего

¹ Г. Е. Николаева. О специфике художественной литературы. «Вопросы философии», 1953., № 6, стр. 97.

² Там же, стр. 98.

³ Там же.

предшествующего развития знаний о действительности, лишь после того, как накоплен большой фактический материал, открыты и обобщены в форме абстрактных понятий закономерности ее развития.

Правдивое отображение жизни, раскрытие закономерностей ее развития в реалистическом искусстве тесно связано с проблемой типизации. Не эмпирическое описание фактов и явлений жизни, а обобщение наиболее важного и существенного, характерного для ее процессов, и создание на этой основе ярких, конкретно-чувственных, действующих и на разум, и на эмоции человека художественных образов — таков сложный и диалектически противоречивый процесс художественного мышления. Восходя от единичного к общему, художественное мышление на завершающем этапе вновь возвращается к единичному и вместе с тем особенному в форме художественного образа.

Через единичное, индивидуализированное художник раскрывает сложные и многогранные, порой противоречивые жизненные связи и отношения во всем их многообразии и конкретности.

В художественном произведении, как писал В. И. Ленин, «*весь гвоздь в индивидуальной обстановке, в анализе характеров и психики данных типов*»¹. На эту особенность художественного мышления в свое время указывал и Ф. Энгельс. В письме к М. Каутской он писал по поводу ее романа «Старые и новые»: «Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкостью индивидуализации; каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, *«этот»*, как сказал бы старик Гегель; так оно и должно быть»².

Обобщение и индивидуализация, выражение не только общего, но и единичного свойственно и научному мышлению. Однако в нем отчетливо проявляется тенденция к игнорированию в результатах исследования различных субъективных, эмоциональных моментов. Поэтому научное мышление преимущественно обращается к разуму, будит мысль, но не чувства. Результаты художественного мышления, напротив, эмоционально насыщены и потому они воздействуют одновременно и на разум, и на чувства, воспитывая тем самым у человека активное отношение к окружающей его действительности и формируя в определенном направлении его мироощущение и мировоззрение.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 141.

² К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1, «Искусство», М., 1957, стр. 8—9.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ОТРАЖЕНИЯ

Н. В. Кивенко

Одним из наиболее общих законов диалектического материализма является вторичность сознания по отношению к материи.

Сознание как высшая форма отражения объективной действительности, как свойство высокоорганизованной материи (мозга человека) есть результат длительного исторического развития природы, отражения как всеобщего свойства материи, которое развивалось и совершенствовалось по мере эволюции материи, превращения ее из неощущающей материи в ощущающую.

Изучение этой, высшей, формы отражения позволяет понять закономерности, характерные для всех форм отражения — в неживой и живой природе.

Впервые в марксистской литературе наиболее конкретно этот вопрос был поставлен В. И. Лениным.

В. И. Ленин писал, что в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи, т. е. с органической материей, и в фундаменте самого здания материи можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением. И дальше Ленин замечает: «...но логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»¹.

Данные современного естествознания полностью подтверждают положение В. И. Ленина, выдвинутое полстолетия назад.

В настоящее время имеется большой естественнонаучный материал, позволяющий исследовать, как с развитием материи развивается свойство отражения, какова природа и значение этого всеобщего для материи свойства.

В ходе исследования специфики различных типов отражения раскрываются и общие черты этого процесса, которые помогают выявлению и изучению этого всеобщего для материи свойства в различных объектах природы.

Проблема отражения разрабатывается в трудах ряда советских и зарубежных философов-марксистов. В них исследуются различные стороны этой многогранной проблемы. Одним из важнейших вопросов является вопрос о сущности отражения как всеобщего свойства материи. Ему уделяется большое внимание в работах Т. Павлова², А. Рякина³, В. Страшникова⁴, Б. Украинцева⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 91.

² Т. Павлов. Теория отражения. Избран. философ. произв., 1962, т. 3.

³ А. Н. Рякин. Об отражении как всеобщем свойстве материи. Ученые записки Калужского пединститута, 1958, вып. 6.

⁴ В. М. Страшников. В. И. Ленин о свойстве отражения и некоторые вопросы технического прогресса. Иркутск, 1959.

⁵ Б. С. Украинцев. О сущности элементарного отображения. «Вопросы философии», 1960, № 2.

В решении вопроса о сущности отражения философы, исходя из единства процессов взаимодействия и отражения, по-разному, однако, рассматривают характер этого единства, отчего определения сущности процесса отражения у них различны.

Так, Т. Павлов определяет отражение как форму движения материи, чем, по существу, отождествляет процессы взаимодействия и отражения. (Не говоря уже о том, что определение отражения как формы движения материи противоречит пониманию отражения как всеобщего свойства материи). Автор пишет: «...отражение ...является одной из форм движения, изменения и развития вообще всех материальных вещей»¹.

В работе А. Рякина процесс отражения также отождествляется с процессом взаимодействия, и таким образом доказывается всеобщий характер свойства отражения.

С критикой этой точки зрения выступил Е. П. Никитин: «...Главная ошибка автора... в том, что при характеристике свойства отражения он (А. Рякин. — Н. К.) не пошел дальше самого общего соотношения отражения и взаимодействия, которое в сущности сводится к отождествлению проблем взаимодействия и отражения. Это привело к тому, что А. Н. Рякин не смог решить главную задачу, стоящую перед ним, — выявить сущность, специфику свойства отражения»².

Б. С. Украинцев писал, что приравнивание отражения к взаимодействию «...не продвигает нас ни на шаг в понимании свойства отражения. Просто вводится ненужное понятие для обозначения связи и движения»³.

В определении сущности процесса отражения еще не выработалось единого мнения, и поэтому нам представляется возможным высказать свою точку зрения по этому вопросу.

М. Корнфорт⁴ и Б. С. Украинцев⁵ отметили характерное, специфическое свойство отражения — воспроизведение особенностей отражаемой системы в соответствующих особенностях процессов, происходящих в отражающей системе. Всестороннее изучение этого свойства, механизма самого процесса отражения приближает исследователей к раскрытию сущности отражения как всеобщего свойства материи.

Каким же образом происходит воспроизведение особенностей отражаемой системы в соответствующих особенностях отражающей?

Если мы рассмотрим процесс взаимодействия таким образом, что действие одного тела, отражаемого, будем считать причиной, а противодействие другого тела, отражающего, — следствием, то выясняется, что «...структура следствия полностью или очень близко, или вообще в какой-то мере, воспроизводит, повторяет структуру причины»⁶.

Это почти очевидно для процессов отражения в неорганической природе. Но это свойство проявляется также и в более сложных процессах отражения в живой природе.

Разберем положение на следующем примере.

Раздражимость — наиболее общая форма отражения, присущая живой природе. Свойство раздражимости обусловлено изменениями белков протоплазмы под действием внешних агентов. Интересны в рассматриваемом отношении работы Чемберса и Флосдорфа (1936), Насонова

¹ Т. Павлов. Избран. философ. произв., М., 1962, т. 3, стр. 33—34.

² Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1961, № 3, стр. 172.

³ «Вопросы философии», 1960, № 2, стр. 65.

⁴ См. Морис Корнфорт. Диалектический материализм. М., 1957, стр. 315.

⁵ См. «Вопросы философии», 1960, № 2, стр. 66.

⁶ Проблема причинности в современной физике. М., 1960, стр. 68.

и Равдоника (1947), которые изучали воздействие слышимых звуков на протоплазму¹.

Полученные данные говорят о том, что живая протоплазма любой клетки организма воспринимает звуковые колебания непосредственно, без участия органов слуха и нервной системы. Слышимые звуки большой мощности способны вызывать денатурацию нативных протеинов. Протоплазма реагирует на звук потому, что эффект от ничтожных по величине перемещений частиц протоплазмы под воздействием внешних звуковых колебаний значительно усиливается в результате того, что колебания структур денатурированных белков резонируют с внешними звуковыми колебаниями. Было установлено, что наибольший эффект реакции наблюдается при частоте звуковых колебаний 3000 гц.

Звуковые тоны, соответствующие частотам найденного максимума для протоплазмы клеток мышечных волокон, совпадают с областью тонов, к которым наиболее восприимчиво человеческое ухо.

Опыты показали, что при взаимодействии протоплазмы любых клеток организма со слышимыми звуками большой мощности, идущими от определенного источника, происходит запечатление структуры звуковых колебаний в определенных изменениях структуры белков протоплазмы. Структура этих денатурированных белков отразила, воспроизвела в себе особенности структуры воздействующих на протоплазму звуковых колебаний. Таким образом, между отражаемым объектом (звуковыми колебаниями) и отражающим объектом (белками протоплазмы) в процессе отражения возникает изоморфное отношение, т. е. «...каждому элементу (части) одной структуры соответствует элемент или часть другой структуры и наоборот; упорядочивающему отношению между двумя любыми элементами одной структуры отвечает определенное упорядочивающее отношение между соответствующими элементами второй структуры»².

Подобное явление — возникновение изоморфного отношения между объектами в процессе отражения — можно наблюдать и при передаче информации от одного тела к другому.

Информация — это сведения, определенные данные об особенностях отражающей системы³, ее изменениях, которые возникли как ответ на воздействие отражаемой системы. (Информация, идущая от отражаемой системы к отражающей, в любом конкретном процессе отражения, также является сведениями, определенными данными о процессе отражения, который произошел в ней как ответ на воздействие какого-то иного материального объекта в иной системе связи).

Информация всегда выступает в действительности в виде материальных сигналов, составляя их содержание. Каждый сигнал представляет собой тот или иной материальный предмет или процесс⁴.

Между структурой сигнала и структурой отражающей системы в процессе отражения возникает изоморфное соответствие. Структура сигнала как материального объекта под действием отражающей системы меняется, воспроизводя в характере своего изменения ту или иную особенность этой системы. Изменение структуры сигнала и есть отражение, которое произошло в нем под действием отражающей системы. (В этом случае сигнал сам становится отражающей системой).

¹ Д. Н. Насонов. Местная реакция протоплазмы и распространяющееся возбуждение. М., 1962.

² Проблема причинности в современной физике. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 66.

³ См. И. Новик. Кибернетика. Философские и социологические проблемы, М., 1963, стр. 60.

⁴ И. А. Полетаев. Сигнал. М., 1958.

Если проследить, как происходит передача информации, например, по нервному каналу, то выясняется, что она возможна благодаря всеобщему свойству отражения, которое в данном случае выражается в том, что, начиная от первого элемента канала — рецептора и кончая его последним элементом, например, мышечным волокном или клетками железы, между всеми звеньями канала последовательно возникает изоморфное отношение.

Содержание информации, передающейся по нервному каналу связи, все время остается постоянным, но происходит преобразование сигналов из одного алфавита в другой; при этом между различными формами сигналов возникает изоморфное отношение, особенности одной формы отражаются, воспроизводятся в особенностях другой. Так происходит декодирование сигнала. Нервное волокно, представляющее канал связи, имеет на одном конце чувствительный элемент — рецептор, который воспринимает информацию, идущую из внешней среды. Здесь сигналы декодируются для передачи информации по каналу. Они представляют собой отдельные нервные импульсы, число которых тем больше, чем сильнее раздражение рецептора. В месте соединения нервных элементов канала, в синапсах, передача информации осуществляется с помощью иных сигналов. Под действием пришедших нервных импульсов здесь выделяются особые химические вещества, например, адреналин или ацетилхолин, в количестве, соответствующем интенсивности нервных импульсов. В данном случае отражение одного сигнала в другом осуществляется путем возникновения соответствия структуры выделения химических веществ структуре нервных импульсов.

Выделившиеся химические вещества порождают соответствующее возбуждение нервного волокна, являющегося следующим звеном канала. Теперь, наоборот, происходит отражение структуры выделившихся химических веществ в структуре возникших нервных импульсов. Возникшие в этом звене канала нервные импульсы передают полученную информацию дальше, к конечному элементу данного канала, где вновь произойдет ряд отражений — возникновение новых изоморфных отношений.

Какие же выводы можно сделать из всего вышесказанного?

Взаимодействие материальных объектов представляет собой единый процесс действия одного тела на другое и противодействия последнего. В процессе взаимодействия происходит и процесс взаимоотражения.

Действие отражаемого объекта вызывает такие внутренние структурные изменения в отражающем объекте, в которых запечатлеваются, воспроизводятся его особенности. Отражающая система изменяется, таким образом, в каком-то определенном отношении, и противодействие, возникающее в ней как ответ на действие отражаемого материального объекта, определяется теми внутренними структурными изменениями, которые произошли в ней, характером отражения, возникшего при взаимодействии изоморфного отношения.

(Происходящие в отражающей системе изменения Т. Павлов делит на внутренние изменения, отражение, и внешнюю ответную реакцию, которая, не будучи собственно отражением, является проявлением его воле) ¹.

Таким образом, если процесс взаимодействия представляет собой действие одного материального объекта на другой и противодействие последнего, а отражение — определяющую часть противодействия, тогда можно сказать, что отражение есть необходимая сторона, часть любого взаимодействия. Или: отражение как всеобщее свойство материи является неотъемлемой, характерной частью любого движения.

¹ Т. Павлов. Избранные философские произведения. М., 1962, т. 3, стр. 33.

Будучи всеобщим свойством материи, процесс отражения качественно отличается на различных ступенях ее развития. Формы отражения развиваются по мере и на основе развития и изменения форм движения материи. По мере усложнения форм движения, форм взаимодействия материальных объектов, формы отражения становятся тоже более сложными и совершенными.

Каждой форме движения соответствуют специфические формы отражения. А каждая из этих форм отличается особым, специфическим характером взаимосвязи и взаимодействия отражаемой и отражающей систем, особой, свойственной только этой форме, ответной реакцией.

Интересную мысль высказал Т. Павлов: «Чем ниже спускаемся мы по ступеням эволюции отражения вообще как свойства всей материи, тем труднее отличить внешние ответные (химические, физические, механические) реакции тела от внутренних состояний отражений — следов или актуального отражения окружающей среды в испытывающем ее воздействие теле»¹.

Действительно, в случае вышеприведенного примера непосредственного воздействия слышимых звуков на протоплазму клеток организма внутренние структурные изменения белков сливаются с процессом денатурации этих белков, внешней ответной реакцией протоплазмы. С развитием материи внешняя ответная реакция, являясь отражением внутренних изменений отражающей системы, отделяется рядом последовательных звеньев от этих внутренних процессов отражения и в пространственном и во временном отношении.

Когда под действием отражаемого материального объекта в отражающей системе происходит процесс отражения, то его характер зависит, определяется качественными особенностями отражающей системы. В частности, уровень организации отражающей системы как материального объекта определяет характер и форму передачи информации о процессе отражения, произошедшем в ней.

Чем более просто организована отражающая система, тем более простым с эволюционной точки зрения является процесс передачи информации в окружающую среду и содержание этой информации. С развитием материи и форм отражения передача информации становится все более сложным процессом.

В материальных системах имеются различные уровни организации, более «древние» и более «молодые» с эволюционной точки зрения, являющиеся приобретением системы в процессе развития. Информация, идущая с этих уровней, тоже различна по своему содержанию и по форме организации сигналов, она является как бы отражением эволюции данной системы как материального объекта.

Процесс отражения системы — результат большого количества процессов отражения, совершающихся в элементах системы. Информация, выдаваемая системой, представляет собой результат синтеза всей информации, поступившей от различных элементов различных уровней организации системы.

Подобную структуру процесса отражения можно проследить при рассмотрении эволюции многоклеточных организмов. Первые многоклеточные организмы — это организация одного слоя клеток с замкнутой полостью посредине. Полость, заполненная жидкостью, явилась первой внутренней средой организма; до сих пор взаимодействие и взаимоотражение между клетками осуществлялось непосредственно. Теперь вза-

¹ Т. Павлов. Избранные философские произведения М., 1962, т. 3, стр. 38.

имоотражение совершается через жидкую промежуточную среду, сигналы, несущие информацию, — это определенные продукты обмена: ионы, газы, простые химические вещества¹.

В процессе эволюции часть клеток оказалась внутри, потеряв непосредственный контакт с внешней средой. В системе возникают два уровня организации — внутренний и внешний слой клеток. Процесс отражения системы представляет собой результат синтеза процессов отражения в этих уровнях, и информация, выдаваемая системой, — тоже результат суммирования и преобразования потока информации, идущей с этих уровней. Клетки внутреннего слоя реагируют теперь не непосредственно на воздействия внешней среды, а на те изменения, которые происходят во внешнем слое под влиянием этих воздействий, сведения о которых поступают в виде определенной информации. Для ответной реакции системы необходимо, чтобы информация о процессе отражения во внутреннем слое была воспринята клетками внешнего слоя. Характер этой информации определяет взаимодействие уровней и ответную реакцию клеток внешнего слоя. В процессе эволюции живых систем ответные реакции делаются все более целесообразными, что происходит на основе совершенствования процесса отражения. В случае данной системы этот процесс шел таким образом, что сигналы, несущие более точную и сложную информацию от внутреннего, более организованного слоя к внешнему, представляют собой уже специализированные вещества — гормоны, активирующие деятельность клеток внешнего слоя.

Дальнейшая эволюция многоклеточных организмов шла уже по линии специализации самих клеток, возникали новые регулирующие элементы, которые обусловили большую целенаправленность ответных реакций.

В результате этих процессов возникла одна из регулирующих систем организма — вегетативная нервная система, развитие которой шло одновременно с развитием живых организмов. В процессе эволюции она приобретает сложный, многоступенчатый характер; уровни ее организации возникли как результат и отражение развития живой материи от простого к сложному.

В этой сложноорганизованной системе Н. М. Амосов выделяет четыре уровня организации, четыре этажа. Низший — самый древний — представляет собой нервные сплетения органов, образуемые первоначальными внутренними клетками, теперь строго специализированными. (По сравнению с клетками прежнего внутреннего слоя эти клетки изменили свою организацию в процессе эволюции многоклеточных систем, тело клетки вытянулось, у нее появились два отростка, имеющие свои, специализированные функции). Информация об изменениях окружающей среды поступает в эти клетки непосредственно через их отростки — рецепторы. Информация, выдаваемая всем нижним этажом в процессе отражения, воспринимается «верхними», более молодыми с эволюционной точки зрения, этажами системы.

Второй этаж — более сложное образование, это сегментированные центры и крупные межорганные сплетения. Информация, посылаемая этим уровнем организации, сложнее по своему характеру, так как является результатом синтеза потоков информации, идущей из нижнего этажа системы, от собственных клеток этого же уровня, и информации, поступающей из высших этажей.

¹ См. Н. М. Амосов. Регуляция жизненных функций и кибернетика, Киев, 1964, стр. 51.

То же наблюдается и при рассмотрении механизма процесса отражения в третьем и четвертом, самом высокоорганизованном, этажах системы. Процесс отражения, произошедший в вегетативной нервной системе, является результатом процессов отражения, которые совершаются во всех элементах всех ее этажей. Информация, весьма сложная по своему содержанию, посылается ею в ретикулярную формацию, гипофиз, подкорку и через вертикальные связи в кору, где она участвует в процессах отражения, являющихся частями процесса отражения всего организма на определенное воздействие отражаемого материального объекта.

Таким образом, развитие современного естествознания, в частности биологии, позволяет более глубоко изучить процесс отражения. Познание закономерностей процесса отражения, наблюдаемого в различных по своей природе материальных объектах, и установление наиболее общих из них, для любых форм отражения еще раз конкретно подтверждает ленинское положение об отражении как всеобщем свойстве материи.

ПРИБОР КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ

Н. В. Тополя

Неотъемлемым элементом любой формы деятельности человека выступают орудия этой деятельности, ее средства. Величественные достижения в раскрытии закономерностей движения материи и овладении человеком богатствами природы — результат исторического процесса развития познавательной деятельности людей, сопровождавшейся умножением и совершенствованием средств познания. Однако это не означает, что применение и совершенствование средств познания осуществляется параллельно, наряду с процессом познания. Взаимодействие человека с окружающим миром и взаимоотношения между людьми в обществе невозможны без опосредования, поэтому и познавательный процесс немислим без средств познания, которые органически включаются в него.

Возможность использования средств познания определяется объективными взаимосвязями и взаимообусловленностью всех процессов и явлений действительности, а их эффективность зависит от характера исследуемых процессов и степени изученности самих средств познания.

Что же представляют собой средства познания? Какое место среди них принадлежит прибору?

Средства познания — это орудия деятельности людей. Материальной и духовной деятельности человека соответствуют материальные и идеальные средства познания. В качестве материальных средств познания выступают материальные системы с частично известными свойствами и объективно существующие закономерные взаимосвязи и отношения известных форм движущейся материи. В соответствии с двумя модификациями существования материальных образований, известными в настоящее время, среди материальных средств познания можно выделить два класса: средства в форме полей и в форме вещества.

В свою очередь вещественные средства познания подразделяются на системы, воздействующие на органы чувств в форме непосредственно доступной чувственному восприятию и непосредственно невосприимчивые чувствами. Приборы и приспособления — это и есть такие вещественные средства познания, воздействия которых на органы чувств, возникающие в процессе взаимодействия этих средств с объектом, доступны восприятию без каких-либо дополнительных материальных опосредований, т. е. непосредственно.

Кроме материальных систем и их внутренних и внешних материальных связей, свойства которых частично известны, средства познания включают в себя и элементы духовной деятельности человека в форме языка, научных понятий, методов их образования и законов логической взаимосвязи между ними. Так, например, математика на современном этапе ее развития выступает как средство познания во многих отраслях естествознания и даже при изучении отдельных закономерностей обще-

ственной жизни. Математика является не только средством для выполнения количественных расчетов, но также и средством моделирования различных закономерностей.

Природа материальных объектов позволяет выделить их качественные особенности, которые в процессе познания можно выразить в виде количественных характеристик. Естественно, что, определив качественные особенности объекта, субъект направляет свои усилия на количественное их выражение, ибо только оно дает возможность использовать данный объект в управляемых процессах на практике. В научном познании переход от качественной определенности к количественному выражению ее осуществляется экспериментальным путем и обычно называется измерением. Всякое измерение, как познавательный процесс, может быть представлено как взаимодействие, которое определяется соотношением объект—прибор—субъект. Роль каждого звена этого соотношения в современной физике вызывает оживленные философские дискуссии, особенно в области познания микрообъектов и закономерностей их движения.

Известно, что возникновение и историческое развитие человеческого общества осуществляется в процессе создания и совершенствования орудий труда, с помощью которых человек воздействует на окружающую его природу и преобразует ее для удовлетворения своих общественных и личных потребностей. Подобно этому экспериментальные исследования, определяющие могущество современной физической науки, базируются на использовании приборов.

Ограниченность органов чувств в восприятии интенсивности доступных для них свойств, объективное существование свойств, непосредственно недоступных для чувственного восприятия, и неспособность чувств давать количественное выражение качественной определенности в некоторых случаях — таковы главные причины введения приборов в процесс познания. Можно отметить еще несколько особенностей приборов, стимулирующих использование их в процессе познания. Для объекта и прибора некоторые закономерности могут быть общими, но в процессе измерения они выступают как несущественные для прибора или в явном виде не проявляются в нем и в то же самое время имеют существенное значение для объекта и познаются с помощью прибора, в котором действием этих закономерностей мы пренебрегаем. Например, познание свойств микрообъектов осуществляется с помощью приборов, созданных на основе классической физики. Или, как пишет Гейзенберг, «для измерительных приборов, при помощи которых в опытах по отклонению солнечного света устанавливается отступление от евклидовой геометрии, предполагается справедливость той же евклидовой геометрии»¹. И дальше, существуют свойства объектов известных нам форм движущейся материи, которые проявляются и могут быть познаны в искусственных условиях, созданных с помощью приборов и приспособлений.

Способность приборов расширять пределы чувственных восприятий человека и другие упомянутые особенности привели к весьма широкому распространению их в естествознании вообще и в физике в частности. Развитие научного познания обусловило необходимость выяснения и гносеологической роли приборов.

Диалектический материализм рассматривает прибор как средство познания объективных закономерностей материального мира. Различные идеалистические направления (прагматизм, операционализм, позитивизм), как правило, отводят прибору созидательную роль, наделяя его функциями «конструирования» объекта. Факт существенных изме-

¹ В. Гейзенберг. Философские проблемы атомной физики. ИЛ., 1953, стр. 38.

нений в состоянии микрообъекта в процессе взаимодействия его с прибором идеалисты раздувают, абсолютизируют, а потом используют для представления микрообъекта как результата этого взаимодействия, отрицая независимое от человека и прибора существование объектов микромира.

Однако и правильная исходная позиция диалектического материализма в решении вопроса о гносеологической роли прибора не исключает различных представлений как о характере взаимодействия в каждом конкретном случае, так и в определении самого понятия прибора. Достаточно обширная литература по философским вопросам физики при определении понятия «прибор» включает требование о возможности классического описания показаний прибора, доступных для органов чувств человека. «Измерительный прибор должен быть устроен так, что для осуществления его действия в конечном счете используются только его классические свойства, то есть такие свойства, в которых постоянная $\hbar$ не играет роли»¹. Это определение, данное Д. И. Блохинцевым, по существу не отличается от определений Фока, Маркова, Бома, Бора и Гейзенберга. И действительно, выступая как средство познания, прибор вместе с тем выполняет и функцию преобразования воздействий объекта в форму непосредственно доступную чувственным восприятиям. В этом основное его назначение и нельзя при определении понятия «прибор» обходить его молчанием.

Отождествляя материальное средство познания вообще и прибор, некоторые авторы приходят к утверждению, что всякая материальная система может быть названа прибором, если ее свойства используются в процессе познания. Вот, например, определение Б. Я. Пахомова: «Прибор — материальная система любой природы, способность которой отражать свойства другой материальной системы, взаимодействующей с ней, используется в процессе познания»². На основании такого определения в класс приборов включаются и микрообъекты, что представляется нам неправомерным. Различие между электроном и позитроном, как и их свойства, можно установить, например, с помощью магнитного поля, но ведь тогда, согласно положениям, развитым Б. Я. Пахомовым, это поле мы должны отнести к классу приборов, что вообще противоречит общепринятым научным представлениям о приборе. Микрообъекты и различные поля могут быть элементами прибора и даже играть существенную роль для его функционирования (например, магнитное поле или ионы как центры конденсации в камере Вильсона), но сами по себе как качественно определенные материальные системы в роли приборов выступать не могут, поскольку они органами чувств непосредственно не воспринимаются.

Если же назвать поле «первичным прибором», как это делает Б. Я. Пахомов в отношении микрообъектов³, то это приведет не к выяснению вопроса, а только к путанице. Чтобы предупредить возражение, Б. Я. Пахомов предполагает его в следующем плане: «...Суждение о существовании нейтральной частицы (или другой нейтральной частицы, дающей в качестве продукта распада первую нейтральную частицу) является логическим выводом, опирающимся в конечном счете лишь на те данные, которые можно наблюдать в макроскопических регистрирующих устройствах типа камеры Вильсона или газоразрядного счет-

¹ Д. И. Блохинцев. Основы квантовой механики. М., 1961.

² Б. Я. Пахомов. О роли приборов в познании микромира. Вопросы философии, 1963, № 7.

³ Б. Я. Пахомов. К определению понятия «прибор». «Философские науки», 1963, № 6.

чика, и что, следовательно, лишь эти устройства могут быть названы приборами. Однако, если стать на такую точку зрения, то эта камера Вильсона не может быть названа прибором, ибо утверждение, что видимые нами полосы — это следы элементарных частиц, в действительности представляет теоретическое умозаключение»¹.

Б. Я. Пахомов прав, что в этом плане возражений не может быть. Все материальные средства познания имеют общий признак, заключающийся в том, что каждое из них дает численное значение или какой-либо другой признак исследуемой физической величины данного объекта лишь на основании логического вывода. На основании указанного признака классификация средств познания невозможна, об этом по существу и говорит Б. Я. Пахомов, когда рассматривает микрообъекты и показывает, что в данном случае они не отличаются от камеры Вильсона или термометра.

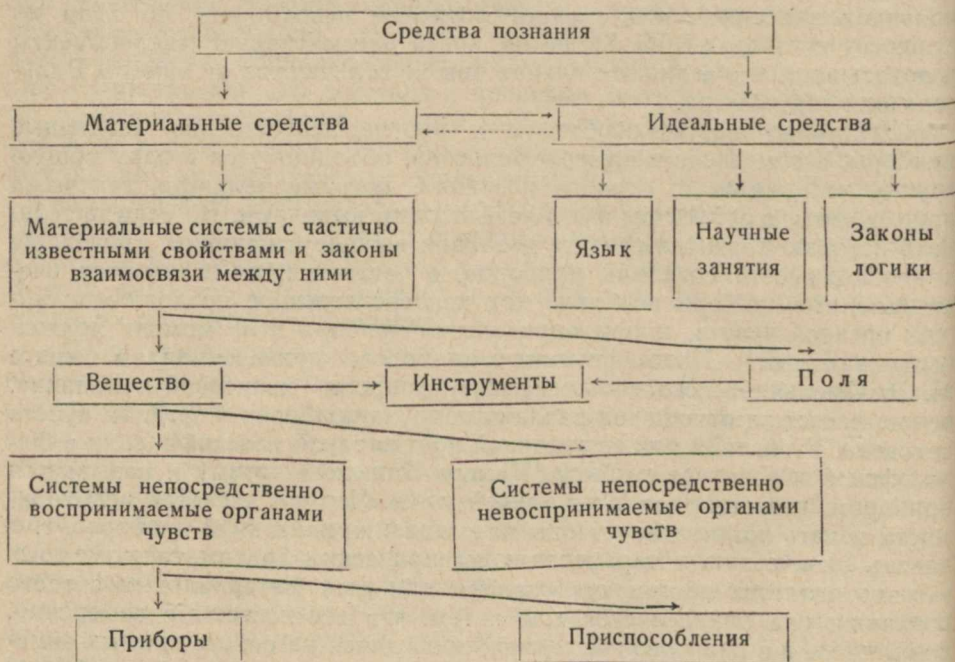
Действительно, микрообъекты и многие искусственно созданные приборы, в том числе и камера Вильсона, объединяются в одну общую группу материальных средств познания, которые являются таковыми лишь в связи с субъектом и его логическими выводами. Но если проследить историю развития средств познания вообще и причины, приведшие к необходимости создания приборов, в частности, то становится очевидным, что приборы возникли как непосредственное продолжение наших органов чувств, и при определении прибора этот момент должен быть главным. Классификация приборов, приведенная в книге М. Э. Омеляновского «Философские вопросы квантовой механики», основывается на отношении различных групп приборов к органам чувств человека. Уточнений или возражений против такой классификации в философской литературе не было. Камера Вильсона потому и называется прибором, что она дает видимый след. Что же касается необходимости делать логические выводы на основании показаний приборов, т. е. давать физическую интерпретацию эмпирическим фактам, то кроме того, что это является общим требованием для всех материальных средств познания, она определяется еще и тем, что все косвенные измерения, в том числе и в квантовой механике, проводятся на основе прямых измерений, которым доступны только длина или пространственные смещения и временная длительность. Содержание логического вывода в данном случае заключается в выяснении тех взаимопереходов форм движения материи, связанных с объектом, которые в конечном итоге дают пространственные или временные изменения различных указателей приборов. Здесь нет «противопоставления непосредственно данного теоретическим выводам» и поэтому опасение, что при таком подходе должны вытекать юмовские агностические выводы, лишено оснований. Мы же не приходим к субъективно-идеалистическим выводам, хотя признаем, как и Беркли, что исходным пунктом познания являются наши ощущения.

Неполнота определения понятия «прибор» Б. Я. Пахомовым заключается в замалчивании того факта, что не способность вообще отражать, а обладание способностью специфического отражения является объективной основой данной материальной системы для использования ее в качестве прибора. Приведенное определение годится для материальных средств познания, в качестве которых могут выступать и микрочастицы и различные поля, однако не всякое материальное средство может выступать как прибор.

Таким образом, в класс приборов следует включать только те материальные системы, которые, наряду с отражением свойств другой материальной системы, взаимодействующей с ними, обладают способ-

¹ «Философские науки», 1963, № 6.

ностью преобразования хотя бы одного внешнего воздействия в форму, доступную нашим органам чувств. Понятие же средства познания включает в себя не только более широкий класс материальных образований с частично известными свойствами, но и целый ряд идеальных форм освоения действительности. Соотношение между средствами познания определяется их гносеологической ролью и только она выступает основной классификации средств познания, с помощью которой можно получить более полное представление о приборе. Схематически такая классификация выглядит следующим образом.



Такой подход к материальному опосредованию связи между субъектом и объектом соответствует действительному процессу познания и способствует выяснению объективного содержания взаимосвязи объект—прибор—субъект.

Предлагаемая схема средств познания предполагает взаимосвязь их между собой в каждом познавательном процессе. Прежде всего это относится к материальным и идеальным средствам. Ни одна материальная система, даже с частично известными свойствами, вне связи с субъектом не может выступать как средство познания. В свою очередь вещественные образования непосредственно невоспринимаемые органами чувств и материальные поля могут служить средствами познания только в связи с вещественными, непосредственно воспринимаемыми системами.

Объект и материальные средства познания онтологически неразличимы, различие между ними можно провести только по их гносеологической функции и то лишь временное и относительное, поскольку и при таком подходе они могут занимать место друг друга. Действительно, частично познанный объект в одних условиях и для определенной цели может выступать в качестве средства познания, а в зависимости от других условий или целей снова становится объектом исследования, поскольку сам он изучен всегда неполно.

Всякий познавательный процесс и познание в целом характеризуется соотношением: объект — средства познания — субъект, однако, когда подвергается анализу процесс измерения, тогда говорят о соотношении: объект—прибор—субъект. Объяснить это можно следующим образом. Хотя в действительности все средства познания и выступают как своеобразное продолжение наших органов чувств, но особая роль прибора состоит в том, что он вступает в непосредственный контакт с органами чувств и в конечном итоге именно через прибор осуществляется функция всех средств познания. Иначе говоря, все другие материальные средства познания выступают как связующее звено между объектом и прибором, который дает материальную информацию об объекте непосредственно субъекту.

Б. Я. Пахомов правильно подчеркивает, что нельзя отождествлять прибор с экспериментальной установкой, но его утверждение, что «экспериментальная установка представляет собой систему взаимосвязанных приборов, функциональная роль которых различна», нам представляется не точным. Экспериментальная установка — это органическое соединение приборов, инструментов и приспособлений. Основой различия приборов, инструментов и приспособлений является исключительно их гносеологическая роль.

Инструмент — это такое материальное средство познания, непосредственное или опосредованное взаимодействие которого с объектом подвергается изучению только со стороны изменения состояний объекта. Гносеологическая роль инструмента заключается лишь в том, что он вызывает изменения объекта, благодаря которым проявляются и становятся доступными для изучения свойства этого объекта. Гносеологическая роль изменений самого инструмента существенного значения не имеет, хотя требование соответствия этих изменений друг другу, которые должны быть устойчивыми и однозначными в определенных пределах, подчеркивает необходимость их регистрации.

Прибор — это такое материальное средство познания, взаимодействие которого с объектом подвергается изучению как со стороны изменений объекта, так и со стороны изменений самого средства познания. Гносеологическая роль прибора, в отличие от роли инструмента, шире, ибо кроме того, что он выполняет функцию инструмента по изменению состояния объекта, изменения самого прибора имеют существенное значение, так как они являются единственным источником информации в данном познавательном процессе об изменении состояния объекта, благодаря которому проявляются его свойства в форме, доступной непосредственно чувственному восприятию.

Приспособление — это материальное средство, обеспечивающее удобное и эффективное применение инструментов и приборов в процессе измерения. Приспособления могут использоваться как без непосредственного возмущения объекта ими, так и предполагать его, но в последнем случае гносеологическая функция их аналогична инструментам.

Для иллюстрации различной гносеологической роли материальных средств познания, входящих в состав экспериментальной установки (прибор, инструмент, приспособление), рассмотрим процесс измерения эффективных сечений захвата и потери электрона при столкновениях атомов водорода с молекулами газов, описанный в нашей работе¹. В данном эксперименте применялась следующая методика измерений.

¹ Я. М. Фотель, В. А. Анкудинов, Д. В. Пилипенко, Н. В. Тополя. Захват и потеря электрона при столкновениях быстрых атомов водорода с молекулами газов. ЖЭТФ, т. 34, вып. 3, 1958.

Пучок создавался водородной пушкой, состоящей из ионного источника, фокусирующей линзы и ускорительной трубки. (Здесь пушка является приспособлением, выполняющим и роль инструмента, поскольку в ней происходит изменение состояния объекта-иона водорода в процессе ускорения и фокусировки электростатическим полем). После корректировки пучка с помощью электростатического корректора (приспособление-инструмент) магнитным масс-монохроматором (приспособление-инструмент) выделялся моноэнергетический пучок протонов и направлялся в камеру парортутной мишени. В ней протоны частично нейтрализуются (молекулы ртути выступают в качестве инструмента). Пучок, вышедший из парортутной мишени, содержит, кроме атомов водорода, также протоны и отрицательные ионы водорода. Отделение заряженных частиц от нейтральных в этом пучке производилось при помощи второго магнитного анализатора (приспособление-инструмент). Для удаления заряженных частиц, появившихся при столкновении атомов пучка с молекулами остаточного газа, перед камерой столкновений расположен плоский конденсатор (приспособление-инструмент). Камера столкновений наполнена гелием, давление которого контролируется манометром Кнудсена (прибор). Атомы гелия в камере столкновений выступают как инструменты, ибо процессы захвата и потери электрона атомами водорода происходят в результате столкновений их с атомами гелия. Благодаря этому в камере столкновений в водородном пучке возникали три компоненты: нейтральная, положительная и отрицательная, разделение которых производилось электрическим полем плоского конденсатора. Для измерения интенсивности нейтральной компоненты использовался вакуумный термоэлемент (приспособление), присоединенный к зеркальному гальванометру (прибор), измеряющему термоэдс термоэлемента. Ток протонов измерялся струнным электрометром (прибор), соединенным с цилиндром Фарадея (приспособление). Интенсивность отрицательных ионов водорода измерялась ламповым электрометром (прибор), также присоединенным к цилиндру Фарадея. Затем из эмпирических данных (показаний приборов) путем физической интерпретации их и теоретических расчетов получались результаты измерений-эффективные сечения захвата и потери электрона при столкновении атомов водорода с атомами гелия.

В заключение подчеркнем и ту особенность приборов, что каждый из них всегда характеризуется определенной чувствительностью, а приспособления и инструменты такой характеристики не имеют.

О СООТНОШЕНИИ ЧУВСТВЕННОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО В ПОЗНАНИИ МИКРОМИРА

А. А. Иванищенко

Возникновение атомной физики, в частности квантовой механики, вызвало серьезные дискуссии методологического характера, которые не прекращаются до сих пор, периодически то несколько затухая, то вновь воспламеняясь. Наиболее острые споры в этих дискуссиях велись вокруг вопроса о том, обладают ли объективной реальностью (как обладают ею макроскопические тела) электроны, атомы и другие микрочастицы, о которых судят лишь по показаниям измерительных приборов.

Постановка вопроса о реальности микромира имела определенные объективные предпосылки. Прежде всего, статистический характер взаимодействия микрообъектов с веществом (а следовательно, и результатов измерения) не мог быть удовлетворительным образом объяснен в рамках существовавших в физике представлений. Своеобразие ситуации в атомной физике заключается еще и в том, что она имеет дело с миром материальных вещей, которые невозможно наблюдать непосредственно даже с помощью приборов, расширяющих естественные границы чувственного восприятия. Именно это обстоятельство явилось одной из предпосылок дискуссий о сущности микромира. Стихийно придерживаясь воззрений метафизического материализма в понимании природы материального мира и лапласовского детерминизма, отождествляющего философский принцип причинности с классическим описанием поведения материальных тел, многие физики в капиталистических странах не находили однозначного выхода из создавшейся ситуации. Таким образом, в квантовой физике возникли определенные гносеологические трудности.

Естественно, что подобной ситуацией в физике не могла не воспользоваться в своих интересах буржуазная философия (в особенности логический позитивизм), которая издавна специализируется на спекуляции именно в области гносеологии. На этот раз главным предметом спекуляции явился именно факт невозможности непосредственного наблюдения микрообъектов.

Логический позитивизм, как известно, признает единственно реальными лишь данные опыта (эмпирические данные), понимая под опытом совокупность ощущений и восприятий, отождествляя тем самым эмпирическое с чувственным. Правда, формально неопозитивизм не отрицает существования наблюдаемого внешнего мира, но предпочитает обходить этот вопрос довольно спекулятивным образом, сводя сущность философии лишь к анализу языка науки¹. Поэтому, используя трудности понимания физической природы микромира, неопозитивисты стремились, так сказать, «научно» обосновать свой вывод о нематериальности микро-

¹ Краткий очерк истории философии. Соцэкгиз, М., 1960.

объектов, о том, что они представляют собой лишь логические конструкции нашего ума и т. п.¹ Понятия, относящиеся к непосредственно ненаблюдаемым объектам, лишены, по утверждению современных позитивистов, всякого самостоятельного значения, но все же ими можно пользоваться, ибо это помогает предвидеть наблюдаемые явления, события².

Позитивизм оказал заметное влияние на ученых капиталистических стран. Элементы позитивизма в той или иной мере проявились в позициях и таких выдающихся физиков современности, как Н. Бор, В. Гейзенберг, В. Паули и др.

Так, например, Гейзенберг заявляет: «... Данные современной физики показывают, что атомы не существуют как простые телесные предметы, но что введение понятия атома делает возможной простую формулировку взаимосвязей, определяющих все физические и химические процессы»³. В этом же плане необходимо рассматривать и выводы Гейзенберга о том, что «наблюдение играет решающую роль в атомном событии и что реальность различается в зависимости от того, наблюдаем мы ее или нет», а следовательно, само «понятие «события» должно быть ограничено наблюдением»⁴. «Если что-то должно быть охарактеризовано как первоначально данное, — пишет Гейзенберг, — то таковым в квантовой теории является реальность, которая может быть описана в понятиях классической физики»⁵.

Понятие материи, по мнению ученого, используется классической физикой лишь для того, чтобы с его помощью «дать описание мира, по возможности независимое от нашего субъективного опыта»⁶, но квантовой теорией в результате получения новых экспериментальных данных якобы «была подорвана вера в объективное, независимое от наблюдателя течение событий, являющаяся внутренней сущностью классической физики»⁷. Итак, в атомной области мы не только не можем говорить о событии (материальных процессах, вещах, предметах) вне наблюдения, но и непосредственно наблюдаемые в эксперименте явления нельзя считать вполне объективными — таков основной гносеологический вывод Гейзенберга, вытекающий, по его мнению, из данных квантовой физики.

Подобные выводы не могут, конечно, не привлечь внимания философов-марксистов. Анализ идеалистических искажений сущности квантовой теории в последние годы уделяется значительное внимание в работах советских философов и физиков. Однако в некоторых из них дается скорее критика этих положений с точки зрения общих принципов марксистской философии, нежели подробный критический анализ их гносеологических основ, в то время как именно такой анализ может быть наиболее аргументированным и убедительным ответом современным идеалистам, спекулирующим на трудностях развития физического познания. В то же время такой подход позволяет обнаружить те моменты, аспекты, особенности познавательного процесса, которые требуют дальнейшей разработки и конкретизации их применительно к условиям познания микромира. Это имеет большое значение не только для раз-

¹ И. С. Нарский. Современный позитивизм. АН СССР, М., 1961.

² В. А. Лекторский. Единство эмпирического и теоретического в научном познании. В сб. «Проблемы научного метода». Изд-во «Наука», М., 1964.

³ В. Гейзенберг. Философские проблемы атомной физики. М., 1953; стр. 50.

⁴ В. Гейзенберг. Физика и философия. М., 1963, стр. 32—33.

⁵ В. Гейзенберг. Открытие Планка и основные философские вопросы учения об атомах. «Вопросы философии», 1958, № 11, стр. 65.

⁶ В. Гейзенберг. Философские проблемы атомной физики, стр. 38.

⁷ Там же, стр. 6.

вития марксистской теории познания, но и для создания более адекватной физической интерпретации микроявлений.

Мы коснемся здесь лишь некоторых аспектов процесса познания микрообъектов природы, в частности вопроса о соотношении чувственного, эмпирического и рационального в этом процессе вопроса, который является частью более общей проблемы соотношения субъекта и объекта. Именно неправильное решение этого вопроса лежит в основе спекуляций современного позитивизма на трудностях квантовой физики, связанных с невозможностью непосредственного наблюдения микроявлений.

Несомненно, трудно отказать в логике Гейзенбергу и современным позитивистам, если исходить из того положения, что все реальное (материальное) — может быть непосредственно наблюдаемо с помощью органов чувств, а эмпирическое и чувственное познание — это одно и то же¹. Однако такой подход неправиомерен.

Признание реальными (материальными) лишь тех объектов, которые мы можем непосредственно воспринимать органами чувств, с помощью приборов или без них, — свидетельствует об одностороннем, ограниченном понимании содержания понятия объективной реальности (материи) и ее наблюдаемости. О такой односторонности свидетельствует также и попытка Гейзенберга разделить все понятия на два класса: на понятия обыденной жизни (включая и понятия классической физики), связанные с реальностью, и понятия — научные абстракции, которые выводятся из эксперимента, но непосредственно не связаны с реальностью², то есть не имеют самостоятельного значения. Эти научные абстракции, по Гейзенбергу, могут быть связаны с действительностью лишь через вероятность или тенденцию ее проявления в эксперименте³. К последним относятся и такие понятия современной физики, как атом, электрон и другие⁴.

С научной, марксистской точки зрения понятие материального не сводится к возможности непосредственного наблюдения вещей.

Опыт, практика дают множество примеров того, что знание тех свойств исследуемых предметов, о которых мы делаем соответствующие заключения на основе их непосредственного восприятия, может быть получено и по результатам воздействия этих предметов на другие предметы, непосредственно воспринимаемые нами, в то время как интересующий нас объект может быть непосредственно невоспринимаемым в этот момент. Например, о таких свойствах вещей, как масса или температура, мы можем делать определенные выводы как при непосредственном восприятии этих вещей, так и по показаниям соответствующих других «тел» (весов, термометра). О том, что по степной дороге проехала автомашина, мы можем судить в том случае, если мы это сами видели непосредственно, и в том случае, если мы видим ее след на земле — по результату ее воздействия на другой предмет. Практическая, преобразующая природу деятельность человека доказывает тождественность полученных таким образом знаний по содержанию, хотя, конечно, непосредственное восприятие дает, в общем, более цельную и динамическую картину явления. Но нас интересует сейчас не эта сторона рассматриваемого вопроса.

¹ Нерасчлененность чувственного и эмпирического познания, их отождествление проводится и в некоторых работах советских философов (см., например, сб. «Проблемы мышления в современной науке», Изд-во «Мысль», М., 1964, стр. 95, 183).

² В. Гейзенберг. Физика и философия, стр. 170.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 158.

Признание на основе практики тождественности этих знаний по содержанию дает право сделать вывод о том, что мы можем одинаково хорошо познавать вещи и явления независимо от характера их восприятия. С другой стороны, практика убеждает нас и в том, что какие-либо изменения состояния одной материальной вещи вызываются только воздействием на нее других вещей. Поэтому наблюдение таких изменений вещи, причина которых (воздействующая вещь) принципиально непосредственно ненаблюдаема, свидетельствует о том, что в природе существуют и принципиально непосредственно ненаблюдаемые объекты.

Мы можем классифицировать (изучать) эти объекты, например, по их воздействиям на одну и ту же вещь (измерительный прибор), свойства которой мы уже знаем. По различию в наблюдаемых эффектах можно сделать вывод о том, что с прибором провозимодействовали разные объекты или один и тот же объект в различных состояниях. На основе всего запаса предшествующего знания исследователь может заключить, какой из этих случаев имел место в каждом конкретном опыте или совокупности опытов.

Основным, «первичным» признаком материальности вещей и процессов является не возможность непосредственного восприятия их, а то, что они существуют вне и независимо от сознания человека. В то же время марксистская философия подчеркивает и тот факт, что все материальное так или иначе воздействует на органы чувств человека. «Материя, — писал В. И. Ленин, — есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»¹. В. И. Ленин подчеркивает, что «иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем»².

Применимость этих положений В. И. Ленина имеет различную «наглядность» в зависимости от того, о каком структурном уровне материального мира идет речь. Например, не вызывает никаких сомнений тот факт, что окружающие нас макротела представляют собой реальные материальные вещи. Однако применимость этих положений к явлениям природы на уровне ее микроструктуры не так очевидна, так как микрообъекты непосредственно не воспринимаются органами чувств человека. Но в действительности и они воспринимаются органами чувств, хотя и косвенным образом, опосредствованно.

Природа человека такова, что он может непосредственно воспринимать лишь определенный круг вещей и явлений материального мира, тогда как существует целый ряд предметов и явлений (в частности, микрообъекты), которые он воспринимает чувственно лишь опосредствованным путем, в результате применения сложных экспериментальных установок. В этом случае уже нельзя, конечно, утверждать, что полученные ощущения или восприятия являются непосредственными субъективными образами изучаемых вещей и явлений как таковых.

Так, например, в экспериментах по изучению строения атомов, свойств элементарных частиц и других микроявлений, восприятия являются непосредственными образами лишь определенных экспериментальных устройств и показаний соответствующих приборов, которые не только не совпадают (в онтологическом плане) с изучаемыми явлениями, но связаны с ними сложными лабиринтами переходов, материальных преобразований их воздействия, осуществляемых измерительной

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 117.

² Там же, стр. 288.

техники. Измерительный прибор в этом случае служит необходимым материальным условием и основой осуществления этих преобразований в процессе переноса воздействия изучаемого объекта к органам чувств исследователя (субъекта) и одновременно средством, фиксирующим конечный результат этих преобразований в форме определенных показаний этого прибора, вследствие чего именно показания приборов представляют наибольшую познавательную ценность для исследователя.

В этих чувственно воспринимаемых явлениях — показаниях измерительных приборов — отражаются или в опосредствованной форме содержатся и свойства изучаемых микрообъектов. Это обуславливается тем, что свойство отражения присуще всей материи, т. е. воздействие одних предметов на другие на любом уровне структуры материи неизбежно вызывает изменение состояния последних, причем лишь определенное изменение, соответствующее природе взаимодействующих вещей. Вследствие этого показания приборов выступают как чувственно-наглядные абстракции изучаемых явлений, ибо в них в предметной форме содержится информация об определенных свойствах, природе этих явлений.

Мы, конечно, понимаем большую и активную роль целенаправленной практической и теоретической деятельности субъекта в «рождении» этих абстракций, которая является убедительным свидетельством способности человека к безграничному познанию мира. Но для нас особенно важно то, что эти чувственно-наглядные абстракции изменяются не только в зависимости от характера измерительного прибора, но и, прежде всего, в зависимости от природы объекта, взаимодействующего с прибором. Именно поэтому, воспринимая эти абстракции, мы тем самым воспринимаем, хотя и опосредствованно, и сам объект. В этом суть вопроса об осязаемости материи человеком применительно к условиям познания микромира. Только с точки зрения этих представлений можно до конца понять фундаментальное положение В. И. Ленина, что «вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания...»¹.

Сила и роль абстрактно-теоретического мышления заключается в том, что благодаря ему в сознании исследователя осуществляется переход (на основе уже познанных закономерностей природы, в частности, свойств измерительного прибора) от ощущений, отражающих конкретное — чувственно-наглядные абстракции, к образованию научных абстракций, отражающих исследуемое явление, которое существует независимо от измерительных приборов.

Это материалистическое понимание диалектики процесса познания наблюдаемых и ненаблюдаемых (непосредственно) явлений природы, опирающееся на данные общественно-исторической практики человечества, принципиально отлично от неопозитивистского. С точки зрения материалистической теории познания чувственное знание не тождественно эмпирическому.

Под знанием вообще мы понимаем такое относительно верное отражение действительности, которое осмыслено нами, т. е. которое может быть выражено в языковой форме, приобретая тем самым характер общезначимости. Чувственное знание — это такое знание, в котором выражено непосредственно данное, т. е. это выраженный в языковой форме субъективный образ (данный в ощущениях и восприятиях) непосредственно наблюдаемого явления. Вследствие непо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 113. (Подчеркнуто нами. — А. И.).

средственной, прямой связи субъекта и объекта в процессе формирования чувственного знания оно обычно называется непосредственным знанием.

Эмпирическое знание — это знание о вещах и явлениях, которое формируется в процессе их опосредствованного чувственного восприятия. В то время, как знание о непосредственно воспринимаемых явлениях природы может быть получено как в чувственной, так и эмпирической форме, знание о явлениях, которые в принципе невоспринимаемы непосредственно (например, микрочастицы), может быть получено лишь в эмпирической форме. Основой эмпирического, как и чувственного познания является активная, преобразующая природу деятельность человека. Хотя чувственное и эмпирическое знание могут совпадать по содержанию (в случае познания явлений, которые мы можем и непосредственно наблюдать), они различаются по способу, характеру их становления, возникновения, что является следствием различного характера связи ощущений с объектом познания в первом и втором случаях.

Эмпирическое знание представляет собой, в общем случае, более высокую ступень обобщения, чем чувственное. В определенной мере эмпирическое знание можно отнести к рациональной форме познания, ибо существенной чертой его становления является логический вывод о существовании или свойствах непосредственно не наблюдаемых явлений. Но фактическим источником эмпирического всегда является чувственное, непосредственное знание. Например, если мы наблюдаем, что стрелка гальванометра отклонилась от своего нулевого положения (чувственное знание), то можем на основе уже имеющихся у нас знаний) сделать вывод о том, что через гальванометр прошел электрический ток (эмпирическое знание). Таким образом, в гносеологическом плане эмпирическое знание представляет собой знание скрытой от чувственного познания причины или сущности непосредственно наблюдаемого явления, выступающего обычно в форме показаний соответствующих приборов.

Но нельзя думать, что главным отличительным признаком эмпирического познания по сравнению с чувственным является лишь сам факт опосредствования его мышлением. В принципе любое знание, в том числе и чувственное, формируется при участии абстрактного мышления. В «Проблемах мышления в современной науке» справедливо подчеркивается, «что чисто чувственного познания, в котором не участвовало бы мышление, нет и быть не может. В процессе живого созерцания всегда происходит умственная обработка чувственных восприятий на основе того понятийного багажа и тех логических форм, которые откладываются в сознании то ли в результате предшествующей практики, то ли в результате предшествующего обучения и закрепления в языке»¹. Правда, увлекшись этой стороной чувственного познания, авторы монографии совершенно неправомерно, с нашей точки зрения, предпочитают называть его эмпирическим познанием.

На эту особенность познавательного процесса указывал еще Энгельс, отмечая, что «к нашему глазу присоединяются не только еще другие чувства, но и деятельность нашего мышления»². Поэтому, несомненно, прав Б. М. Кедров, подчеркивая, «что у взрослого нормального человека с развитыми органами мышления и чувств невозможно

¹ «Проблемы мышления в современной науке», стр. 94—95.

² Ф. Энгельс. Дialeктика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 190.

более или менее резко различить и обособить ступень чувственного познания и ступень абстрактного мышления»¹.

Правда, к этому замечанию Б. М. Кедрова нам хотелось бы сделать некоторые уточнения. Во-первых, невозможность различия и обособления указанных им двух ступеней познания можно представить лишь со стороны временного признака, а не со стороны их характера и содержания. Во-вторых, это временное «неразличение» имеет место лишь в фазе чувственного и эмпирического познания, ибо «ступень абстрактного мышления» не сводится только к логической интерпретации непосредственно наблюдаемых, например, в физическом эксперименте результатов. Другими словами, непосредственным источником абстрактного мышления не всегда выступают только ощущения восприятия.

Одним из непосредственных источников познания, формирования новых познавательных образов может выступать и конкретное в мышлении, т. е. уже существующие познавательные образы. Благодаря относительной самостоятельности логического мышления возможен процесс образования абстракций от абстракций, который в гносеологическом плане означает переход от менее конкретного к более конкретному (по глубине и полноте отражения) познанию явлений, т. е. переход от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. В этом случае связь нового познавательного образа с первоначальными чувственными данными приобретает характер сложного опосредствования, так сказать не очень «наглядна», хотя новый опыт, опосредствованный этим новым знанием, может дать и новые чувственные данные, более «наглядно» связанные с этим познавательным образом, выступая одновременно и критерием его относительной истинности.

Мышление по своей природе общественно. «Мышление — особая форма отражения, возникающая в результате взаимодействия не любых двух материальных систем, — пишет П. В. Копнин, — а таких, одной из которых является общество»². А это и означает, что любое знание опосредовано опытом всего человечества. Однако для выражения, формирования чувственного знания и эмпирического необходим, как правило, существенно различный уровень владения этим опытом. Чтобы стало более очевидным различие между чувственным и эмпирическим знанием, приведем еще один пример, в некоторых деталях позаимствованный нами у Б. М. Кедрова³.

Измерительный прибор — фотографическая пластинка — зафиксировал какое-то явление в форме развилки двух резких расходящихся линий. Если эту фотографию показать человеку, совершенно не сведущему в ядерной физике, то он ничего, кроме упомянутой развилки, не увидит бы. Он смог бы только сказать, что на этой фотографии имеется такое-то изображение (развилка двух линий), и все. Но если фотографию будет рассматривать физик-исследователь, то он воспримет ее как опытное изображение процесса «рождения пары» — электрона и позитрона из электромагнитного гамма-излучения (эмпирическое знание).

Следовательно, чувственное отражение непосредственно воспринимаемого явления выступает для него как ступень эмпирического знания, относящегося к явлению, которое и оставило след, изображение на фотопластинке. Это знание физик смог вывести потому, что к своему зрительному восприятию (чувственному знанию) он присоединяет дея-

¹ Б. М. Кедров. История познания как процесс и его диалектика. В сб. «Проблемы научного метода». Изд-во «Наука», М., 1964, стр. 14.

² «Проблемы мышления в современной науке», стр. 6.

³ Б. М. Кедров. История познания как процесс и его диалектика, стр. 13.

тельность своего мышления, в котором в определенных познавательных образах (системе знаний) зафиксирован весь его предшествующий опыт, в большей степени отражающий и опыт всего человечества.

Отсюда видно, какую важную роль в формировании эмпирического знания играет научный эксперимент, использование измерительных приборов, обладание глубокими знаниями, выработанными человечеством на протяжении всей предыдущей истории своего развития. Хотя в процессе постановки научных экспериментов развивается и чувственное познание, но оно здесь играет, как правило, подчиненную роль, выступая моментом, ступенью эмпирического познания.

Таким образом, эмпирическое познание не сводимо ни к чувственной ступени, ни к рациональной. В то же время оно является как бы синтезом чувственного и рационального, включая их в себя как моменты органического целого. Оно потому и называется эмпирическим, что выводится из непосредственного наблюдения, являясь в сущности фактофиксирующим знанием. Но, с другой стороны, выведение этого знания возможно лишь вследствие «присоединения» к данным чувств более широкого (чем в случае чувственного познания) класса категорий абстрактного мышления. Возвращаясь к приведенному выше примеру с фотопластинкой, можно сформулировать следующее фактофиксирующее эмпирическое положение: на данной фотографии в виде развилки двух резких расходящихся линий изображен процесс рождения электрона и позитрона из электромагнитного гамма-излучения. В нем как момент содержится и чувственное знание — «в виде развилки двух резких расходящихся линий».

В общем случае можно сказать, что как чувственное, так и эмпирическое знание, формируясь при участии логического мышления, в то же время выступают и источником формирования новых познавательных образов, являясь, тем самым, источником рационального (логического) в собственном смысле этого слова. Если же попытаться выделить в этой «тройственной» системе эмпирическую ступень, то ей можно, пожалуй, приписать роль «посредника» между чувственным познанием и рациональным. Ясно, что такое разделение познания на «ступени» производится, главным образом, не по временному признаку, а по способу их становления, глубине и полноте содержания. Это является следствием отражения в них различных объективных «уровней» природы, ее свойств, хотя, конечно, можно говорить о развитии этих форм познания и в плане онтогенеза или филогенеза, а в некотором отношении и о временном разделении их у человека с развитыми органами чувств и мышления, на что мы указывали выше.

Таким образом, вследствие изменения содержания чувственных данных при изучении непосредственно ненаблюдаемых объектов, обусловленного иным характером связи ощущений с ними, возрастает роль рационального момента в их познании. Поэтому, анализируя развитие процесса познания, можно говорить о различной степени абстрактности тех или иных понятий. Утверждать же, что в науке есть понятия, которые мы не можем назвать научными абстракциями, и понятия — научные абстракции, тем более относить это разделение понятий к их связи с реальностью, как это делает Гейзенберг, — это следствие метафизического отождествления эмпирического с чувственным, результат отрыва рационального от чувственного. Это, в конечном счете, свидетельствует о непонимании роли практики как основы развития мыслительной способности человека и критерия истинности создаваемых на этой основе теорий, познавательных образов. Признавая, что только чувственное познание связано с реальностью, сводя тем самым эмпирическое

к чувственному, Гейзенберг неизбежно должен был прийти и действительно пришел к отрицанию материальности микрообъектов, признавая в то же время необходимость пользования соответствующими им понятиями, ибо это оказывается полезным для предвидения наблюдаемых явлений.

С предлагаемым Гейзенбергом делением используемых в физике понятий на ненаучные понятия и научные абстракции нельзя согласиться. В. И. Ленин отмечал, что «понятие не есть нечто непосредственное...»¹. «Познание, — пишет Ленин, — есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов...»². Таким образом, В. И. Ленин здесь ясно указывает на то, что понятие — это абстракция. Понятие как абстракция выступает в двух отношениях: во-первых, как форма логического познания (отражения общего в явлениях), и, во-вторых, как отвлечение, одностороннее отражение вещей и явлений. Поэтому В. И. Ленин и подчеркивает, что познание есть процесс формирования ряда абстракций, понятий.

В научной системе знаний нет таких понятий, которые представляли бы собой чистые абстракции, т. е. которые можно было бы рассматривать безотносительно к их связи с действительностью вообще. Даже возникнув как гипотеза, то или иное понятие (например, понятие «атом») приобретает права научной истинности только вследствие практической проверки соответствия его действительности. В то же время, возникая как гипотеза, понятие имеет своим источником некоторые прямые или косвенные чувственные данные, данные общественной практики.

С другой стороны, в научном познании всякое понятие, если оно отражает объективную реальность, представляет собой научную абстракцию. «Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом *все научные* (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции, — писал В. И. Ленин, — отражают природу глубже, вернее, *полнее*»³. Отсюда видно, что основным признаком *научности* понятий В. И. Ленин считал их связь с реальностью, соответствие их содержания объективной действительности.

Таким образом, всякое понятие представляет собой абстракцию, ибо в нем обобщаются лишь существенные стороны, признаки вещей и явлений, недоступные органам чувств, что, кстати, и создает видимость отхода от действительности. С другой стороны, любое понятие в научном познании представляет собой научную абстракцию, если оно отражает действительность, т. е. если оно «правильное, серьезное, не вздорное», как подчеркивает В. И. Ленин. Ненаучными являются лишь те понятия, которые не имеют прообразов в действительности, а являются чистой фантазией, выдумкой реакционной идеалистической философии или религии (как, например, понятие бога, духа, рациональной воли и т. д.). Только в этом смысле и можно говорить о научных и ненаучных понятиях.

Конечно, и в научном познании могут возникать ненаучные понятия, но они, как правило, преходящи, поскольку развивающаяся практика, в частности научный эксперимент, показывает их несостоятельность.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 276.

² Там же, стр. 173.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 161.

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ РЕЙНГОЛЬДА НИБУРА

Ю. Ф. Яшинов

Наиболее реакционная форма современной буржуазной идеологии и главное идейно-политическое оружие империализма — антикоммунизм, основным содержанием которого является «клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма»¹. В первом ряду антикоммунизма стоят клерикалы. Эксплуатируя религиозные чувства, суеверия и предрассудки трудящихся, они стремятся защитить отживающий капиталистический строй, опорочить коммунизм и извратить его идеи.

Союз церкви с силами империалистической реакции отчетливо проявляется в идеологии господствующего направления современного протестантизма — неоортодоксии или «теологии кризиса», центр которой переместился ныне в США из Германии, где это направление зародилось в конце 20-х начале 30-х годов. Признанным вождем и политическим теоретиком неоортодоксов является ведущий протестантский теолог США Рейнгольд Нибур. Он придал этому течению протестантизма ярко выраженную антикоммунистическую направленность, поставив этим самым свою политическую доктрину на службу монополистической буржуазии.

Характерной особенностью неоортодоксии является то, что ее идеологи решительно выступают как против буквального следования библейским мифам фундаменталистов, считая такой подход к библии «нелепой крайностью», так и против попыток рационального толкования ее модернистами, расценивая такое толкование как «несерьезное». Выражая точку зрения всех неоортодоксов, Нибур заявляет, что следует «толковать миф серьезно, но не буквально»². Противоречия библейских мифов фактам объявляются проповедниками неоортодоксии «маленькими неправдами», которые будто бы не нарушают «большую правду» христианского учения. Исходя из этой «большой правды», Нибур создает доктрину «христианского реализма».

Краеугольным камнем его доктрины является христианское учение о всеобщей греховности человеческой природы. «Фактически, учение о грехе, — пишет Нибур, — вносит важный вклад в любую соответствующую общественную и политическую теорию»³. Какие же элементы этого учения представляются протестантскому теологу наиболее важными? На первый план он выдвигает утверждение о том, что корень греховности человека заключен в его воле. Ведь согласно христианскому учению, воля к жизни является вечной сущностью человеческого бытия.

¹ Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, М., 1962, стр. 358.

² Цит. по кн.: J. A. Hutchison. Faith, Reason and Existence, N. Y., 1956, стр. 54.

³ R. Niebuhr, The Children of Light and the Children of Darkness, N. Y., 1946, стр. 16.

Она выражается в бессознательном стремлении людей любыми средствами выжить, продлить свое «фрагментарное» земное существование. Но так как «импульсы» их выживания признаются одухотворенными, то воля к жизни превращается в греховную волю к власти, следствием которой якобы является все общественное зло. Волю к власти Нибур считает «косвенным орудием» человеческой гордости, признаваемой христианством грехом в своей самой существенной форме. Именно приписываемый человеческой природе грех гордости христианские богословы истолковывают как причину стремления людей «воображать себя всем», «узурпируя» тем самым место бога.

Таким образом, в христианском учении Нибура привлекает прежде всего волюнтаристское положение об извечной воле к власти, взгляд на человека, как на эгоцентрическое существо. По сути дела, это является возрождением учения Августина Блаженного о свободе воли человека, будто бы стремящегося превратить себя в «центр существования» вследствие своих волевых иррациональных импульсов. Неслучайно поэтому Нибур называет Августина «великим реалистом», считая, что его учение «вскрывает причины общественных конфликтов, напряжения и конкуренции»¹ и имеет почти универсальное значение для любой стадии общественного развития. Рассматривать все общественные явления с точки зрения этих «теоретических» выкладок — в этом основной смысл доктрины «христианского реализма» Нибура, выводы из которой он пытается представить как практическое руководство в борьбе с коммунизмом, как основу для «реалистического» решения всех важнейших вопросов современности.

Даже самые реакционные идеологи империализма ныне вынуждены признавать определяющее влияние на историческое развитие человечества мировой социалистической системы и огромное, все более растущее воздействие идей марксизма-ленинизма на сознание народов. В страхе перед непреложным ходом исторического развития они прибегают к единственно спасительным для себя средствам — клевете на лагерь мира и социализма, извращению коммунистических идей, запугиванию «коммунистической опасностью».

Чувствуя крайнюю непопулярность среди народных масс и явное противоречие действительности тезиса реакционной буржуазной пропаганды об «агрессивности коммунизма», Нибур отказывается его открыто отстаивать. Он отмечает, что «коммунизм — не просто военная, а морально-политическая сила»². Поэтому протестантский теолог советует усматривать главную опасность не в военной угрозе со стороны коммунизма, а во влиянии коммунистических идей. Мнимой «коммунистической опасности» Нибур стремится дать религиозное обоснование. Заявив, что стремление к власти, гордость и эгоизм являются вечными и неизменными, исключающими всякую гармонию в обществе сущностями греховной человеческой природы, он делает вывод, что «испорченность смысла жизни должна проявляться на любом уровне истории»³. На этом основании Нибур объявляет «утопической иллюзией» учение марксизма-ленинизма о коммунизме как бесклассовом общественном строе, обеспечивающем полное социальное равенство всех членов общества, всестороннее развитие людей. Именно в этом «утопизме», по мнению протестантского теолога, заключена «опасность» коммунизма. Таким образом, Нибур стремится во что бы то ни стало извратить сущность коммунистических идей, зародить сомнение в их практическом

¹ R. Niebuhr. Christian Realism and Political Problems, L., 1954, p. 115.

² Essays in Applied Christianity by R. Niebuhr, N. Y., 1959, p. 97.

³ R. Niebuhr. Faith and History, L., 1949, p. 209.

осуществлении с тем, чтобы представить борьбу против коммунизма как борьбу с «заблуждением» во имя «реалистической» оценки исторической действительности.

Борьбу против коммунизма он пытается выдать за предопределенное богом явление. В качестве доказательства этого берется так называемая «ироническая» интерпретация истории, которая рекламируется Нибуром как результат нового прочтения Библии.

Взятые из Библии слова о том, что «народы и племена замышляют тщетное» (Псалтирь, 2; 1), он истолковывает как предостережение против извечного стремления людей отождествлять свою власть и мудрость с божественной во имя поисков путей для достижения своих личных целей, а не целей бога. Но, по его мнению, люди из-за своей греховной гордости не желают прислушиваться к этим словам. Поэтому в истории будто бы происходит постоянное несовпадение результатов деятельности людей с теми целями, которые они перед собой ставят. В этом суть нибуровской «иронии».

На самом деле ничего нового в таком понимании «иронии» нет. Уже Гегель заметил, что в деятельности людей, ставящих перед собой определенные цели, реализуется нечто не входящее в их намерения, не зависящее от их воли. Вместе с тем он считал, что историческое развитие является осуществлением мировой идеи, вследствие чего в действиях людей осуществляется предначертание мирового духа. Нибур отбрасывает рациональное содержание гегелевского положения, заключающего в себе признание закономерности исторического развития и истолковывает его как признание бессилия людей перед лицом исторических событий. В таком толковании отражается действительный факт стихийного характера развития антагонистического общества, в котором объективные законы действуют как слепая необходимость, чуждая человеку и господствующая над ним.

Свое толкование «иронии» протестантский теолог приспособливает к конкретной исторической обстановке. «Наш век вовлечен в иронию, — пишет он, — потому, что так много мечтаний нашей нации столь жестоко опровергаются историей»¹. Представив империалистов США поборниками мира и справедливости, мечтающими о добродетели в интересах человечества, Нибур заявляет, что этим мечтам из-за «иронии» не суждено сбыться. Такая «ирония» усматривается в возникновении мировой социалистической системы, в растущем влиянии коммунистических идей. В этой «иронической» обстановке американские империалисты будто бы вынуждены отказаться от своей «невинности» для того, чтобы бороться с «коммунистической опасностью». Признав ироническую точку зрения «нормативной» для христианского учения, Нибур таким образом выдает борьбу против коммунизма за «норму» человеческого существования. Откровенно антикоммунистическую сущность этого вывода не спасают попытки протестантского теолога представить его как следствие библейской точки зрения.

В Программе КПСС говорится, что монополистическая буржуазия США «взяла на себя роль «спасителя» капитализма»². С помощью библейских мифов эту роль пытается обосновать Нибур. Из Библии он вытаскивает следующие слова пророка Амоса о божественном предназначении Израиля для гегемонии над другими народами: «Только вас признал Я из всех племен земли, поэтому и взыщу с вас за все беззакония ваши». (Амос, 3; 2).

¹ R. Niebuhr. Irony of American History, L., 1952, p. 2.

² Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, М., 1962, стр. 342.

Нибур отбрасывает детали этого мифа, которые объявляются им «маленькими неправдами», и истолковывает слова библейского пророка как указание на «особую меру божественной миссии»¹ американской монополистической буржуазии в капиталистическом мире, как указание на ее «ответственность перед богом» за судьбы человечества. Изобразив США «современным Израилем», протестантский теолог получает методологическую основу для оправдания любых действий американских империалистов².

Нибур заявляет, что «божественная миссия» подвергает США «особенной опасности», единственное средство против которой усматривается им в гонке вооружений. Такое стремление к безопасности он считает результатом извечного страха людей за свое существование, порожденного волевым бессознательным «импульсом выживания». Отсюда делается вывод, что «импульс выживания и преданности цивилизации является более сильным, чем принятие предложений о разоружении или ограничении производства вооружений»³. Считая страх буржуазии за свое существование вечной сущностью человеческого бытия, а ее стремление любой ценой сохранить экономические и политические устои капитализма — общечеловеческим «импульсом выживания», протестантский теолог тем самым увековечивает отживающий капиталистический строй, авантюристическую политику гонки вооружений.

Естественным продолжением политики гонки вооружений является империалистическая политика «с позиции силы», которая остается и ныне официальной политической доктриной США. Основной тезис этой доктрины о военно-политической силе как решающем факторе развития международных отношений Нибур пытается представить как вывод из христианского учения о греховной человеческой гордости.

По его мнению, человек из-за своей гордости считает себя центром истории и поэтому претендует на абсолютное значение своих моральных «условных ценностей». Такая моральная претенциозность значительно возрастает в поведении наций, которые любыми средствами стремятся «сделать безусловными требования для своих условных ценностей»⁴. Осуждая на словах подобную претенциозность, признавая ее греховной, Нибур на деле дает ей полное оправдание, ибо она объявляется следствием извечно греховной человеческой природы. Во имя сохранения этих «ценностей», под которыми подразумеваются политическая практика империализма и принципы буржуазной морали, этот воинствующий клерикал призывает широко применять во внешней политике «стратегические и военные меры», использовать западногерманских реваншистов как «товарищей по оружию» в отношениях с Советским Союзом и странами социалистического лагеря, а «коммунистическую опасность» предотвратить «путем развития всех видов оружия массового уничтожения»⁵. Так призывы «христианского реалиста» Нибура полностью совпадают со стремлениями наиболее реакционных сил капиталистического мира.

Однако современные буржуазные апологеты насилия во внешней политике не могут не считаться с фактом перевеса сил на международ-

¹ Reinhold Niebuhr on Politics N. Y., 1960, стр. 270.

² Даже с точки зрения христианской религии такая аргументация является малоубедительной. Ведь Нибур обращается за помощью к так называемому «малому пророку» Амосу, пророчества которого не пользуются большой популярностью у христианских богословов.

³ R. Niebuhr. Nations and Empires, L., 1959, p. 281.

⁴ R. Niebuhr. The Nature and Destiny of Man, Vol. I, N. Y., 1955, стр. 212.

⁵ R. Niebuhr. Irony of American History, p. 33.

ной зрелости в пользу мира, с фактом кризиса политики «с позиции силы». Оставляя в неприкосновенности тезис о силе, как основном средстве решения международных вопросов, они в то же время считают, что политика насилия должна быть дополнена эффективной идейной пропагандой. Стремление в какой-то степени сообразовать политическую концепцию с фактическим соотношением сил в мире проявляется в доктрине «христианского реализма» Нибура.

Нибур явно обеспокоен ростом недовольства против политики угроз и военных авантур. Проповедь грубого насилия в политике без сколько-нибудь трезвого подхода к современной действительности он считает «догматизмом», который «делает уже невозможным анализировать причины привлекательной силы коммунизма, а, равно, создать такую политическую и экономическую программу, которая исключит общественные конфликты и негодования»¹. Протестантский теолог замечает, что такая «консервативная» политика приводит к падению международного престижа США, усложняет их борьбу против коммунизма. Подведя итоги политики «с позиции силы», он призывает к большему реализму в оценке международной обстановки.

Прежде всего лидер неоортодоксов рекомендует отказаться разговаривать с Советским Союзом только на языке силы. Он признает, что в техническом прогрессе «преимущество русских реально»², а успехи нашей страны в освоении космоса расценивает как «символ технического триумфа». Бурные темпы роста советской промышленной продукции вызывают у протестантского теолога опасение за успешный для США исход в их экономическом соревновании с Советским Союзом. «Хотя Советы в настоящее время уступают нам (т. е. США. — Ю. Я.) в индустриальной мощи, — отмечает он, — их мощь возрастает быстрее, чем наша»³. Экономическое могущество Советской страны, ее помощь освободившимся от колониального гнета народам в достижении их экономической и политической самостоятельности Нибур справедливо считает «огромным источником престижа» Советского Союза. Исходя из этого, он определяет основное направление внешнеполитического курса США. «Очевидно, для нас более важно успешнее соревноваться с коммунистическим экономическим и политическим престижем, — пишет этот теолог, — чем делать предположения о возможных причинах его упадка»⁴.

На первый взгляд такое заявление может показаться как стремление Нибура обосновать действительно реалистические принципы американской внешней политики. Однако на самом деле все эти вынужденные признания делаются лишь для того, чтобы дать извращенное толкование фактам. Оценивая факты с точки зрения политической практики империализма, он объясняет успехи Советского Союза в экономическом соревновании с капиталистическим миром милитаризацией советской экономики, которая якобы развивается без учета нужд народа. Бескорыстная экономическая и техническая помощь Советского Союза слаборазвитым странам истолковывается им как стремление превратить эти страны в «нации-сателлиты». Широкое распространение подобной антисоветской клеветы протестантский теолог расценивает как средство, которое должно подорвать «коммунистический политический престиж».

¹ Reinhold Niebuhr on Politics, стр. 285.

² R. Niebuhr. Nations and Empires, p. 276.

³ Ibid, стр. 271.

⁴ Ibid, стр. 259.

Наиболее обнадеживающей политикой против «коммунистического экономического престижа» Нибур считает «разрыв связей с Россией союзных с ней наций»¹ и подчинение их экономической зависимости от США.

Итак, пропаганда «холодной войны» и расширение экономической экспансии американского империализма — вот чем на деле являются «реалистические» методы внешней политики, рекомендованные вождем неоортодоксов. Понятно, что такие методы исключают возможность разумного решения важнейших международных вопросов. Вот почему Нибур приходит к крайне реакционному выводу, когда с точки зрения своего «христианского реализма» пытается решить основной вопрос современности — вопрос о войне и мире.

По его мнению, никакая политическая программа не может изменить греховную природу человека с его стремлением к власти, гордостью и эгоизмом, а «раболепие» разума перед страстями может побудить человека совершить любое неразумное действие. Признавая войну греховной как деяние «грешных» людей, Нибур по существу оправдывает ее ссылкой на вечные «импульсы» человека и на его неразумие. «Мы должны видеть греховность войны, — говорит этот «реалист», — но мы должны также видеть грех эгоизма, в который вовлекается вся жизнь и конечным выражением которого является война»². Получается, что причину войн нужно искать не в общественно-экономическом строе эксплуататорского общества, постоянными спутниками которого являются войны, а в греховной человеческой природе. С помощью такого утверждения Нибур пытается скрыть действительную причину войн от народных масс, отвлечь их от борьбы с военной опасностью, оправдать военные приготовления империалистов.

Мир между народами, в понимании Нибура — это всего лишь «мечта», нечто «непостоянное», «иллюзорное». Проявляя все зло своей греховной природы, люди будто бы только ищут случая, чтобы его нарушить. Поэтому «христианский реалист» уговаривает народы отказаться от борьбы за земной мир, привлекая их перспективой мифического мира за пределами человеческого существования.

Но никакие уговоры протестантского теолога не могут приостановить могучего движения сторонников мира, возглавляемого коммунистами, стремления народов обуздать империалистов, заставить их отказаться от войны как средства решения спорных международных вопросов. Да и сам Нибур слабо верит в успех идей неоортодоксии. Он признается, что «имеются зловещие признаки нашей возможной и даже вероятной неудачи»³.

С таким признанием можно согласиться, потому что с каждым днем все меньше и меньше людей прислушивается к проповедям глашатаев термоядерной катастрофы, в каком бы облике они не выступали.

¹ R. Niebuhr. Nations and Empires, стр. 249.

² Reinhold Niebuhr on Politics, стр. 149.

³ R. Niebuhr. Christian Realism and Political Problems, стр. 111.

БОРЬБА ЗА ИДЕЙНОСТЬ, НАРОДНОСТЬ, РЕАЛИЗМ ИСКУССТВА В ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В. П. Педан

С победой Октябрьской революции Советская Россия вступила в период коренных преобразований, в период перехода от капитализма к социализму. «Этот переходный период, — отмечал В. И. Ленин, — не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом»¹. Особо острые формы эта борьба приняла в первые годы советской власти, когда силы реакции навязали Советской республике гражданскую войну. Очень напряженным в эти годы был фронт идеологической борьбы, охвативший все области общественного сознания, в том числе и эстетику.

Первые годы советской власти, несмотря на тяжелое экономическое и политическое положение внутри страны, характерны необычайным подъемом художественного творчества. Объясняя причины расцвета советского искусства, начавшегося в первые послереволюционные годы, Н. К. Крупская писала: «Почему Россия превращается в какие-то своеобразные Афины? Революция всколыхнула массы до самых глубоких низов, стала ломать, крушить все привычные отношения, давала и дает примеры неслыханного героизма»².

В этот период значительно возрастает интерес к проблемам теории искусства, эстетики. Бурные идейно-эстетические споры, развернувшиеся вокруг коренных вопросов художественного творчества, были одной из сторон идеологической борьбы между буржуазией и пролетариатом. Указывая на непримиримость буржуазной и пролетарской идеологии, неизбежность и необходимость борьбы между ними, В. И. Ленин отмечал, что «...вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет... Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»³. Анализируя те или иные стороны идеологической борьбы эпохи перехода от капитализма к социализму, мы всегда должны руководствоваться этим ленинским положением, определяющим сущность идейных споров, основной узел противоречий различных идеологических течений, в том числе и эстетических.

Первые послереволюционные годы были начальным этапом борьбы за формирование идейного единства советского искусства, становление метода социалистического реализма, за торжество марксистской эстетики. Советское литературоведение и искусствознание убедительно показали, как сразу же после Октябрьской революции, постепенно, но

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 30, стр. 87.

² «Правда», 13 февраля, 1921.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 5, стр. 355—356.

неукротимо происходил процесс не только политической, но и эстетической консолидации творческих сил советского искусства¹. Благотворное влияние на этот процесс оказала борьба марксистской эстетики с разного рода буржуазными эстетическими учениями, проповедовавшими в искусстве аполитичность, безыдейность, формализм.

В идейно-эстетической борьбе первых лет советской власти мы встречаемся с несколькими разновидностями буржуазных идейно-эстетических течений. Их корни уходят в дореволюционное время. Но в первые годы после Октябрьской революции эти течения претерпели ряд существенных изменений. Характерна в этом отношении метаморфоза с так называемой «интуитивной критикой» В. Ховина. До 1917 г. В. Ховин рьяно выступал защитником концепции искусства как ничем не обусловленной и не стесняемой фантазии, являющейся выражением «каприза творческой воли художника»². После революции В. Ховин снимает с себя маску защитника «чистого искусства» и открывает лицо реакционного политика от эстетики. Особо лютую ненависть у поклонника «каприза творческой воли» вызвало творчество А. Блока и В. Маяковского³. Характерно, что В. Ховин отрицает их творчество не с точки зрения своих «интуитивистских критериев», а с позиции политического классового врага революции. Так было и у В. Розанова, махрового реакционера в политике, крайнего солипсита и мистика в философии и эстетике. Художнику, по мнению В. Розанова, в процессе творчества противостоит слепой рок, какой-то дьявол, являющийся каждому в различном облици. Он считает, что художник не в силах преодолеть этот рок, который жестоко мстит каждому, осмеливающемуся посягнуть на святых святых, на объяснение данного богом мира. Показательно, что для В. Розанова, выступившего вскоре после Октябрьской революции с человеконенавистническим призывом «слиться с безглагольной неизъяснимостью трав, деревьев, не нарушаемой животным мычанием человечества»⁴, одинаковым святотатством, преступлением перед богом являлась как социальная революция, так и искусство, стремящееся к познанию и объяснению действительности. Эти примеры говорят о том, что идеалистические концепции искусства многих буржуазных теоретиков этого периода не просто совмещались с политической реакционностью, но и прямо подчинялись ей.

С откровенно идеалистическими концепциями искусства выступили теоретики, входившие в Вольную философскую ассоциацию (сокр. Вольфила). Противопоставив свои теории марксизму, они стремились приспособить идеализм к революции, к социализму, истолковать социалистическую революцию как следствие из «революции духа», оформляющейся в искусстве. Философско-эстетические концепции А. Белого, К. Эрберга, А. Штейнберга, определивших основное направление теоретических исканий Вольфилы, испытали сильное воздействие мелкобуржуазной идеологии с ее показной и крикливой революционностью. Вскрыв социальные корни «крайней революционности» «взбесившегося» от ужасов капитализма мелкого буржуа, В. И. Ленин указал на «неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное»

¹ Наиболее содержательными работами на эту тему являются: Л. Тимофеев. Советская литература (метод, стиль, поэтика). М., 1964; А. Меньшутин, А. Сиявский. Поэзия первых лет революции. М., 1964; В. Иванов. Формирование идейного единства советской литературы. М., 1960.

² «Очарованный странник» (Альманах зимний), Пг., 1914, стр. 9.

³ «Книжный угол», 1918, № 1, стр. 8.

⁴ «Книжный угол», 1918, № 5, стр. 6.

увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением»¹. Эти черты мелкобуржуазной идеологии, пронизательно отмеченные В. И. Лениным, в высшей степени характерны для теоретических исканий вольфиловцев.

Философско-эстетические концепции А. Белого, К. Эрберга, А. Штейнберга не были тождественны, но были едиными в принципиальном подходе к объяснению явлений общественной жизни. Все они рассматривали процесс развития человеческого общества как движение от «исторического существования», подчиняющегося законам природы, к внеисторическому, внеприродному бытию, к царству «абсолютной свободы». По существу одинаковым у этих теоретиков был взгляд на социальную революцию, которая представлялась им как отражение революции в культуре, а не сама революция², как толчок, стимул к достижению «свободного бытия» через искусство. Естественно поэтому, что теория искусства, точнее эстетика, трактуется у А. Белого, А. З. Штейнберга как всеохватывающая форма общественного сознания, подчиняющая науку, философию, социологию. Не трудно заметить, что теоретики Вольфила продолжили традиции романтического направления идеалистической философии Шеллинга, Шиллера, Шопенгауэра, искавших закономерности развития социальной жизни в культуре, противопоставивших художественное значение научному, приписывавших искусству апокалипсические черты. Стимулом к возрождению подобных систем послужил так называемый «кризис естествознания» в конце XIX и начале XX века. Используя идеалистические выводы «физических» идеалистов, отрицавших материальность мира и объективность наших знаний о нем, теоретики Вольфила пытались построить философскую систему, в центре которой стояло искусство как единственное средство отражения надприродного мира идей, духа.

Трактовка искусства как воплощения надприродной духовности естественно привела теоретиков Вольфила к отрицанию реализма, социальной обусловленности искусства, принципов партийности, народности. Несоответствие между действительностью и художественным произведением А. Белый считал основным законом искусства. Способом создания такого искусства он считал вдохновение. Причем, вдохновение понималось им не как момент высшего подъема творческих сил автора, а как духовный экстаз, рождающий образы-символы, не имеющие соответствия в реальной действительности. «Вдохновение есть создание образов, не совпадающих с реальной действительностью»³, — писал он. Вольфиловцы отвергали все, что относится к социальной природе искусства, его идейной направленности, партийности. Идейную направленность искусства А. Белый объявляет тенденциозностью, считая, что тенденция всегда губительна для творчества⁴. Отрицая классовую природу искусства, К. Эрберг писал о том, что искусство, к которому «приложимы категории буржуазности и социалистичности... уже не искусство»⁵. Особо резким нападкам подвергается у теоретиков Вольфила принцип партийности в искусстве: «Отвращает от меня привкус партийности, действующей сознательно на благо других»⁶. Во всех случаях, когда А. Белый и его единомышленники пишут об идейности,

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 31, стр. 15.

² См. А. Белый. Революция и культура. М., 1917, стр. 19.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Ж. «Записки мечтателей», 1919, № 1, стр. 121.

⁵ Искусство старое и новое. Изд-во «Алконост», Пб., 1921, стр. 1.

⁶ «Записки мечтателей», 1922, № 5, стр. 121.

партийности искусства, из-под их пера выходят только раздраженные пасквилы.

Значительное распространение в первые годы советской власти получили формалистические концепции искусства, сводившие искусство к системе формальных приемов, ставивших художественную форму над содержанием. Формалистические теории были самые разнообразные — от абстракционалистских, утверждавших полный разрыв искусства с действительностью, до теорий, отождествлявших искусство с действительностью.

Абстракционисты (В. Кандинский, К. Малевич) в своих теориях исходили из полной независимости искусства от действительности. Рассказывая о том, как формировались абстракционистские взгляды на искусство, В. Кандинский отмечает, как решающий, именно тот момент, когда в нем «мир искусства отделился от мира природы, когда, наконец, оба мира приобрели полную независимость друг от друга»¹. Положив в основу своей теории этот ложный тезис, В. Кандинский делает из него два вывода, которые считает определяющими в процессе художественного творчества: во-первых, «художник сам является изобретателем своего искусства», во-вторых, он «сам вырабатывает необходимые ему ремесленные формы»². Эти изначальные теоретические положения абстракционизма давали широкий простор крайнему субъективизму, произволу в художественном творчестве, чем, собственно, и являлось абстрактное искусство. Ведь если художник сам «изобретает» искусство и его средства, то почему бы ему не изобрести абстракционизм, искусство чистой формы, бессодержательного сочетания линий, красок?

Другой теоретик абстракционизма К. Малевич пытался найти обоснование изобретенному им супрематизму (разновидности абстракционизма) в махистской философии с ее принципом «экономии мышления». «Новые формы возникают от диктатуры экономии»³ — заявлял он. Исходя из этой, по выражению В. И. Ленина, «безмозглой философии», К. Малевич логично пришел к выводу о том, что наиболее современным и впечатляющим произведением живописи будет то, которое ограничится изображением белого квадрата.

На принципиально таких же позициях стоял теоретик «футузау» (футуристической зауми) А. Крученых, с той лишь разницей, что теории В. Кандинского и К. Малевича предназначались для живописи, а «футузау» для поэзии. Высшей формой поэзии А. Крученых считал произвольное сочетание звуков, ссылаясь на тот же принцип «экономии языка», предельной краткости выразительных средств: «Заумь самое краткое искусство, как по длительности пути от восприятия к воспроизведению, так и по всей форме»⁴.

Будучи крайним выражением формализма, теории абстракционизма и «футузау» приводили к полному разрушению искусства.

Откровенно формалистичны были и другие футуристические теории, хотя их авторы пытались обосновать формализм другими средствами.

Н. Пунин, Б. Кушнер, Н. Чужак, О. Брик и другие стремились формализм связать с марксизмом, с социалистической революцией. Н. Пунин заявлял, что «наша формальность обусловлена прежде всего... материалистическим материалистическим учением, согласно марксовской формуле:

¹ В. Кандинский. 25 репродукций. Текст художника, М., 1918, стр. 34.

² Ж. «Художественная жизнь», 1919, № 1, стр. 18.

³ Ж. «Искусство», Витебск, 1921, № 1, стр. 9.

⁴ А. Крученых, Г. Петников, В. Хлебников. «Заумники», М., 1922, стр. 13.

«бытие определяет сознание»¹. Но легко убедиться в том, что ссылки теоретика футуризма на марксизм явно не состоятельны. Он произвольно пристегивает марксистскую терминологию к своим формалистическим выкладкам, нисколько не заботясь об элементарной логике в своих заключениях. Например, Н. Пунин пишет о том, что «форма=бытию»², развивая далее этот ложный вывод в удобном ему направлении: форма-бытие определяет сознание, т. е. содержание — таков постулат нового искусства»³. В другой статье Н. Пунин без тени смущения говорит о том, что «форма может быть определена как состояние сознания»⁴.

В этих же футуристических кругах был выдвинут тезис о тождестве искусства и действительности. Искусство приравнивалось к такому же «делению вещей», как и в сфере материального производства⁵. В связи с этим футуристы много говорили об общественной полезности своего искусства, о его непосредственном участии в социалистическом строительстве. Но крайняя вульгаризация идеи общественного назначения искусства, выразившаяся в том, что единственной его целью у футуристов стало считаться искусное выполнение утилитарных предметов, не позволила осуществить эти намерения на практике.

К футуризму близко примыкали теоретики Общества по изучению поэтического языка (Опояза) В. Шкловский, Л. Якубинский, Б. Эйхенбаум. Искусство они рассматривали как структуру формальных элементов. Форма в этих теориях ставилась над содержанием («форма создает для себя содержание»⁶) и преподносилась как самостоятельная сущность, организующая все остальные компоненты художественного произведения, которые опоязовцы называли «материалом». В разряд «материалов» попадал и сюжет, и мысль произведения, его идея⁷. Чисто формалистический подход к анализу художественного творчества логично выдерживался в большинстве работ Опояза, бывшего в первые годы советской власти своеобразной лабораторией формалистической эстетики.

Проповедниками формализма в идейно-эстетической борьбе первых лет революции выступили и имажинисты. Эстетическая концепция имажинистов, наиболее подробно изложенная в работах А. Мариенгофа, В. Шершеневича, И. Грузинова, во многом не была самостоятельной. Название своей теории, как и основной ее принцип — «образ как самоцель», имажинисты заимствовали у английской поэтической школы, возглавляемой Эзрой Паундом⁸. Общефилософское обоснование своей концепции, представление об искусстве как о причине и провозвестнике революции духа имажинисты переняли у теоретиков Вольфила, логично доводя его до абсурда, заявив, что вообще «природа и общество существует лишь постольку, поскольку они придуманы искусством»⁹. У футуристов имажинисты заимствовали формалистические приемы ломки грамматики для осуществления «победы формы над смыслом». Оригинальной у имажинистов была та часть эстетической теории, которая непосредственно касалась вопросов поэтики, создания художе-

¹ «Искусство коммуны», 1919, 6 апреля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Искусство коммуны», 1919, 26 января.

⁵ «Искусство коммуны», 1919, 9 февраля.

⁶ Поэтика. Вып. I и II, Пг., 1919, стр. 123.

⁷ См. В. Шкловский. Кинематограф как искусство. Газ. «Жизнь искусства», 1919, 21 мая.

⁸ См. З. Венгерова. Английские футуристы. «Стрелец», Пг., 1915.

⁹ В. Шершеневич. 2×2=5. Изд-во «Имажинисты», М., 1920, стр. 9.

ственного образа. Но эта оригинальность не простиралась дальше избрания новых формалистических приемов. Придавая большое значение «телесности, осязаемости» образа, имажинисты стремились лишь удивить читателя, заставить решать головоломные ребусы своих поэтических метафор, алогичных словесных сочетаний и пр.

Как видно, по-разному подходили к обоснованию формализма в искусстве его теоретики. Но несмотря на внешнюю непохожесть различных формалистических школ, они сходились в главном: в проповеди бессодержательности художественного творчества, в отрицании высокой идейности искусства, народности, реализма.

В наиболее концентрированном виде это проявилось в отрицании формалистической эстетики классического искусства прошлого. Абстракционист В. Кандинский откровенно писал о том, что «реалистическое искусство враждебно моему собственному»¹. Лозунг сбросить классику «с корабля современности», выдвинутый в 1913 г., оставался на вооружении у футуристов и после революции. С требованием выбросить «поношенные штаны» старого искусства выступили имажинисты, заявившие, что с появлением имажинизма творчество А. Пушкина, В. Гете, А. Блока превратилось в «мнимую величину»².

Отрицание классического искусства сопровождалось заявлением о полной аполитичности искусства, его надклассовости, независимости от общественной борьбы. В. Шкловский утверждал, что «на цвете искусства не отражается цвет флага над крепостью города»³. «Нелепым» назвал имажинист А. Мариенгоф «рассматривание поэзии с точки зрения идеологии — пролетарской, крестьянской или буржуазной»⁴. Даже те из футуристов, которые стремились включиться в социалистическое строительство своим «производственным» искусством, объективно смыкались с открытыми проповедниками безыдейности, так как разрушали искусство как форму идеологии.

Формализм враждебен искусству социалистического реализма, поэтому одной из существенных задач марксистской эстетики и критики была задача развенчания формализма, претендовавшего на роль революционного искусства и революционной теории.

Эту задачу ставили перед собой пролеткультовские теоретики А. Богданов, Ф. Калинин, В. Полянский и др. Сразу же после Октябрьской революции Пролеткульт развил бурную деятельность, как в области организационной, так и в теоретической. Пролеткультовские теоретики активно включились в идейно-эстетическую борьбу. Резко противопоставив свою эстетику как разного рода мистическим теориям искусства, так и формализму, они выступили с целым рядом верных положений о художественном творчестве.

Во-первых, пролеткультовцы заявили о связи искусства с общественной борьбой, о его высокой миссии в коммунистическом строительстве; во-вторых, они выступили активными защитниками тезиса о классовости искусства; в-третьих, в большинстве своем, они выступили с заявлениями о необходимости овладеть классическим искусством прошлого, и это нашло отражение во всех официальных решениях пролеткультовских съездов и конференций⁵.

¹ В. Кандинский. 25 репродукций. Текст художника, стр. 36.

² В. Шершневич. $2 \times 2 = 5$, стр. 7.

³ «Искусство коммуны», 1919, 30 марта.

⁴ А. Мариенгоф. Буян-остров. Изд-во «Имажинисты», М., 1920, стр. 18.

⁵ См. Ж. «Пролетарская культура», 1919, № 6, стр. 31—40.

В первые годы своей деятельности пролеткультовцы резко критиковали формалистические течения в искусстве, дав верную классовую характеристику формализма как выражения буржуазной идеологии¹.

Однако эти верные положения только декларировались. Марксистской была только постановка вопросов, но не их разрешение. Пролеткультовская эстетика опиралась на махистскую, по существу, «организационную теорию» А. Богданова, сводившую искусство лишь к средству организации «психического опыта» людей. К тому же большинство теоретиков Пролеткульта склонялось к толкованию художественного творчества как процесса сугубо подсознательного². Ложность этих субъективно-идеалистических основ эстетической концепции Пролеткульта изнутри подорвала попытки пролеткультовцев развить важнейшие положения марксистской эстетики, с которыми они выступали, делала их безоружными в борьбе с формалистическими теориями.

Классовость искусства трактовалась теоретиками Пролеткульта чрезвычайно вульгарно, чуть ли не физиологически и определялась социальным происхождением автора.

Все прошлое искусство показывалось для теоретиков Пролеткульта организованным «психическим опытом» классовых врагов пролетариата. Заявления пролеткультовцев об овладении искусством прошлого были пустой декларацией, так как ему отводилось место лишь в музее, признавалось за ним «значение только историческое»³.

«Организационная теория» А. Богданова, отрицавшая за искусством возможность верного отражения и познания действительности, логично привела к тому, что в Пролеткульте ключевые позиции стали занимать теоретики футуризма Б. Кушнер, Н. Чужак, Б. Арватов, превратившие в начале 20-х годов пролеткультовский журнал «Горн» в один из оплотов формализма.

Вульгарное понимание классовости привело к отрицанию народности искусства, борьбы за его коммунистическую идейность.

Теоретические ошибки Пролеткульта усугублялись его организационными принципами, направленными на отделение работы Пролеткульта от деятельности Коммунистической партии и Советского государства.

Не удивительно поэтому, что в идейно-эстетической борьбе первых лет революции, пролеткультовская эстетика объективно смыкалась с различными откровенно буржуазными концепциями искусства. Пролеткульт не выполнил задач, которые он возложил на себя, и стал тормозом в развитии советского искусства.

Эту задачу смогла выполнить только марксистская эстетика. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, партийными документами по вопросам литературы и искусства, представители марксистской эстетики в единстве с революционно настроенными деятелями литературы и искусства, решительно выступили за утверждение в советском искусстве идейности, народности, реализма.

В борьбе с буржуазно-эстетическими течениями первых лет революции решающее значение имела теоретическая и практическая деятельность В. И. Ленина, Коммунистической партии и Советского государства. Это значение определяется прежде всего тем, что, во-первых, в работах В. И. Ленина этого периода, в принятой VIII съездом РКП(б) новой Программе и других партийных документах, были теоретически решены вопросы социалистического строительства в СССР, в том числе

¹ «Пролетарская культура», 1919, № 7—8, стр. 41.

² См. «Пролетарская культура», 1918, № 1, стр. 11.

³ Памяти Ф. Калинина, Изд-во Петроградского Пролеткульта, Пг., 1920, стр. 77.

и вопросы культурной революции; во-вторых, в работах В. И. Ленина и партийных документах творчески развивались основы марксистской эстетики, содержались образцы критики буржуазной идеологии, применения марксистской диалектики к анализу произведений искусства.

В. И. Ленин доказал, что социалистическая культурная революция является необходимым звеном в общем социалистическом строительстве. Отличительной особенностью социалистической культурной революции является то, что она строится на базе диктатуры пролетариата, вслед за переходом средств материального и духовного производства в руки пролетариата. Это принципиально важное положение В. И. Ленин выдвинул и отстаивал в борьбе с троцкистами и меньшевиками, первые из которых откладывали строительство социалистической культуры на неопределенно далекий срок, вторые — вообще ставили социалистическую революцию в зависимость от социалистического переворота в культуре (В. Базаров).

В статье «В лакейской» В. И. Ленин заклеил базаровские культуртрегерские теории как «лакейство перед буржуазией». Конечно же, ленинская критика В. Базарова прямо касается и теорий Вольфила, также стремившейся обосновать необходимость социалистической революции первоначально в культуре, искусстве.

В. И. Ленин показал, что основой социалистической культуры является марксистское мировоззрение, так как только оно «является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата»¹. В. И. Лениным были намечены пути строительства социалистической культуры, включавшие в себя создание социалистического базиса, воспитание и образование масс, «овладение и развитие тех запасов знаний, которые выработало человечество»². В этой связи исключительно важное значение приобрела борьба В. И. Ленина и Коммунистической партии с вульгаризаторскими теориями Пролеткульта, фактически сводившихся к отрицанию значения классического наследия в создании пролетарской культуры и искусства.

Для того, чтобы пресечь вздорные попытки пролеткультистов создать «чистую пролетарскую культуру», ЦК РКП(б) выступил с открытым письмом «О пролеткультах». Значение этого важнейшего документа далеко выходит за рамки борьбы партии с «пролеткультистской теорией». В этом письме, во-первых, вскрывались идеалистические корни эстетической теории Пролеткульта, ее буржуазное классовое содержание; во-вторых, в нем футуризм, как и другие формалистические течения связывались с идеалистической философией и разложением буржуазного искусства; в-третьих, исходя из марксистского положения о классовом и общечеловеческом в искусстве, партия в этом письме выступила с защитой реалистического искусства прошлого.

В письме «О пролеткультах» партия призвала деятелей литературы и искусства «не на словах, а на деле включиться в строительство социалистической культуры, предостерегала от фразерства, пустого жонглирования словом «пролетарский», которое приводило к тому, что «под видом пролетарского искусства и пролетарской культуры» преподносилось нечто сверхъестественное, «нелепее кривляние»³.

Многогранная работа партии в области литературы, искусства была направлена на то, чтобы направить советское искусство по пути высокой идейности, народности, реализма, поднять творческую инициативу масс. Этим целям служили многочисленные декреты и постановления.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 31, стр. 291—292.

² «В. И. Ленин о литературе и искусстве», Госполитиздат, М., 1960, стр. 241.

³ Там же, стр. 403.

ния партии и Советского государства о монументальной пропаганде, об охране предметов старины и искусства и др.

В эти годы В. И. Ленин дает марксистское определение народности в искусстве: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу народных масс. Оно должно быть понятно массам и любимо ими»¹. В этом определении учитываются все стороны проявления народности в искусстве: искусство вырастает из глубин народной жизни и возвращается к народным массам, воспитывая и обогащая их.

В условиях острой идеологической борьбы первых лет революции В. И. Ленин продолжал отстаивать идею партийности идеологии, предостерегая деятелей идеологического фронта, что в классовой борьбе «попытки не стать ни на одну, ни на другую сторону заканчиваются крахом и скандалом»².

С защитой и обоснованием идейности, народности, реализма в искусстве выступила целая плеяда представителей марксистской эстетики и критики, среди которых прежде всего должны быть названы имена Н. К. Крупской, А. В. Луначарского. Положительную роль в идейно-эстетической борьбе первых лет советской власти сыграла деятельность Н. Ангарского, П. Когана, В. Фриче, А. Сидорова, А. Воронского и др. Правда, в работах большинства этих теоретиков имелись те или иные ошибочные положения. А. В. Луначарский, например, некоторое время излишне примирительно был настроен к Пролеткульту и футуризму. В работах А. Ангарского, П. Когана, а особенно В. Фриче, явственно проступали вульгаризаторские тенденции, выражавшиеся в недооценке эстетической природы искусства, относительной самостоятельности идеологических форм. Недоценивали методологическое значение эстетики А. Сидоров, А. Воронский, стремившиеся растворить ее в искусствоведении. Однако нельзя зачеркивать их большую положительную роль в идейно-эстетической борьбе первых лет революции.

Беспощадно развенчал честолюбивые претензии вольфиловцев связать свои теории с революцией П. Коган. Он вскрыл противоречивость, «сумбур понятий» работ А. Белого, показал связь его теорий с идеалистическими учениями далекого прошлого, дал вернуть классовую характеристику мелкобуржуазной «революционности» теорий Вольфилов, отметив, что «это революция от Махно, а не от Маркса»³.

Марксистская эстетика значительное внимание уделяла критике формализма. В отличие от пролеткультовской критики формализма Н. К. Крупская, А. В. Луначарский не ограничивались классовой характеристикой формалистических течений, хотя это и очень важно, но показали, как формализм, опирающийся на идеалистическую философию, ведет к разрушению искусства. Н. К. Крупская писала в «Правде»: «На сцену выдвинулись с особой силой футуристы, выразители худших элементов старого искусства, низводящие искусство на низкую ступень, превращавшие его из выразителя чувств в выразителя ощущений, при том крайне ненормальных искажений»⁴. Н. К. Крупская указала на антинародность футуризма, трактовавшего «массы как скопище существ, не могущих подняться до уровня человеческих мыслей и чувств»⁵. А. Луначарский показал, что культ мастерства, с которым выступили

¹ «В. И. Ленин о литературе и искусстве», стр. 583.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 31, стр. 341.

³ «Печать и революция», 1922, № 8, стр. 209.

⁴ «Правда», 13 февраля 1920.

⁵ Там же.

формалисты, в отрыве от содержания превращается в «голый технизм», в признак смерти искусства¹.

В работах Н. К. Крупской содержится развитие партийной критики теории Пролеткульта. Вульгарному пониманию классовости искусства Н. Крупская противопоставила подлинно марксистское: «Произведение искусства не потому бывает пролетарским, что его творцом является пролетарий по рождению, а потому, что оно пронизано пролетарской идеологией»². В противовес пролеткультовским теориям Н. Крупская выдвинула перед художниками задачу отражения действительности с точки зрения пролетарских идеалов.

Большое значение для развития советского искусства имела разработка позитивной программы марксистской эстетики в борьбе с буржуазными концепциями искусства. В центре этой программы стояла борьба за идейность, народность, реализм.

Значение работ Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, а также П. Когана, Н. Ангарского и др. в идейно-эстетической борьбе этих лет определялось прежде всего тем, что в них принципы идейности, народности, реализма советского искусства научно обосновывались, указывались конкретные пути воплощения этих принципов в художественной практике.

Марксистская эстетика указала на революционную действительность как источник коммунистической идейности советского искусства. Пролетарское искусство, отмечала Н. К. Крупская, «может вырасти только из жизни. Чем глубже будет понимание этой жизни, чем сильнее будет понимание этой жизни, чем сильнее переживание художника, тем сильнее это отразится на его произведениях»³.

Представители марксистской эстетики призвали деятелей литературы и искусства к овладению революционной теорией марксизма, так как только она давала правильную ориентацию в классовой борьбе, объясняла закономерности жизни. Эта задача, как основная, ставилась в декларации «Литературного фронта»⁴, созданного А. В. Луначарским, В. Фриче, Н. Ангарским.

Марксистская эстетика настойчиво подчеркивала, что только новое идейное содержание, которое принесла с собой революция, способно создать новые художественные формы в искусстве, быть источником подлинного новаторства в искусстве. «Наше искусство будет искать себе формы везде, но в свете своего нового содержания. А мы несем миру гигантское содержание»⁵, — отмечал А. В. Луначарский.

В борьбе за идейность искусства, народность, реализм чрезвычайно важное значение имело правильное решение проблемы классического наследия. В идейно-эстетических дискуссиях первых лет революции к вопросу о месте и значении искусства прошлого стягивались чуть ли не все нити идейных противоречий. Отстаивая необходимость освоения искусства прошлого, марксистские теоретики той поры не смотрели на него как на нечто единое и неизменное. Буржуазное искусство они рассматривали в процессе его развития и отбрасывали то, что связано с реакционным искусством буржуазного декаданса. Н. К. Крупская настойчиво советовала пролеткультовцам верно определять, «что надо и что не надо брать из буржуазного искусства»⁶, руководствуясь ленин-

¹ См. «Искусство», 1921, № 1, стр. 2.

² «Н. К. Крупская об искусстве и литературе», Госполитиздат, М., 1964, стр. 87.

³ Там же.

⁴ Ж. «Печать и революция», 1920, № 6, стр. 60.

⁵ «Искусство», 1921, № 1, стр. 3.

⁶ «Н. К. Крупская об искусстве и литературе», стр. 87.

ским учением о двух культурах в каждой национальной культуре, марксистским положением о классовом и общечеловеческом в искусстве, критерием народности. На это же специально указал А. В. Луначарский, говоривший, что в «общечеловеческом музее искусства достойно займет свое место то искусство, которое выдержит испытание двух основных критериев — «стремления к всенародности» и глубины содержания»¹.

Чрезвычайно остро в первые послереволюционные годы стоял вопрос об общественном назначении искусства, его месте в борьбе за построение социализма. В резолюции VIII съезда РКП(б) «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне» говорилось: «Нет таких форм литературы и искусства, которые не были бы связаны с великими идеями коммунизма и бесконечно разнообразной работой по созданию коммунистического хозяйства»². Опираясь на партийные документы, марксистская эстетика в напряженной полемике с проповедниками аполитичности и беспартийности искусства, страстно защищала тезис об активном вторжении искусства в общественную борьбу, о его коммунистической партийности, агитационно-пропагандистском назначении. Вместе с письмом ЦК РКП(б) «О пролеткультах» художественный сектор Наркомпроса опубликовал «Тезисы об основах политики в области искусства», в которых специально указывалось: «Все области искусства должны быть использованы для поднятия и яркого иллюстрирования политической и революционной агитационно-пропагандистской работы»³.

Выдвижение на первый план агитационно-пропагандистского назначения искусства отвечало самым насущным потребностям революционной эпохи, требованиям коммунистической партийности. «В этот период искусство принесет свой дар на службу агитации», — писал А. В. Луначарский и тут же подчеркивал, что «художественная агитация вовсе не есть падение искусства, а его истинное назначение»⁴. И это последнее очень важно, так как представители марксистской эстетики не отрывали вопросы идейности, содержания искусства от вопросов художественного мастерства, как это было у формалистов с их культом «чистой формы» или у пролеткультистов, пренебрегавших художественной формой. Н. Ангарский метко назвал прозу пролеткультиста П. Бессалько, особенно настойчиво твердившего о несущественности яркой художественной формы, «безобразным мышлением», показав, как социологический схематизм ведет к разрушению искусства⁵.

Борясь с буржуазно-эстетическими концепциями искусства, представители марксистской эстетики настойчиво стремились объединить под знаменем идейности, народности, реализма все подлинно революционные силы литературы и искусства.

Со страстным призывом «слушать музыку революции» выступил А. Блок. Трибуном революции, ее певцом и глашатаем стал В. Маяковский, чье революционное новаторство отпредило пути советской поэзии. Активно включились в организаторскую работу по сплочению передовых сил русского искусства, по пропаганде реализма А. М. Горький и В. Брюсов. Со страниц «Правды» Д. Бедный и А. Серафимович призывали деятелей литературы и искусства слиться с пролетариатом в общей борьбе.

¹ «Искусство», 1921, № 1, стр. 3.

² «О партийной и советской печати», М., 1954, стр. 210.

³ «Вестник работников искусства», 1920, № 2—3, стр. 65.

⁴ «Искусство», 1921, № 1, стр. 3.

⁵ См. Н. Ангарский. Безобразное мышление. Ж. «Творчество», 1919, № 4—5.

В борьбе за идейность, народность, реализм большое значение имело художественное творчество этих выдающихся писателей, основоположников метода социалистического реализма в советском искусстве.

В сложной обстановке идейно-эстетической борьбы первых лет революции марксистская эстетика одержала ряд значительных побед. Полностью были разбиты откровенно реакционные течения. К 1921 году разрушились футуристическая и имажинистская группировки. Ослабло влияние абстракционистских концепций искусства. После письма ЦК РКП(б) «О пролеткультах» явно на убыль пошло пролеткультовское движение. В начале 20-х гг. произошла перегруппировка творческих сил советского искусства в сторону сближения художественного творчества с насущными задачами социалистического строительства, формирования идейного единства советского искусства. И в этом процессе огромную роль сыграли представители марксистской эстетики, давшие немало ярких примеров критики буржуазной эстетики, внесшие большой вклад в разработку основных положений эстетики марксизма.

С. С. ШАШКОВ О РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ КАК ВРАГЕ НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

А. С. Слабкий

Среди мыслителей России, мужественно отстаивавших и развивавших принципы материалистического миропонимания, активно боровшихся против всех форм религиозно-мистических предрассудков, видное место принадлежит Серафиму Серафимовичу Шашкову — одному из представителей русской революционной демократии XIX века.

В своих многочисленных трудах Шашков немало ярких страниц посвятил гневному обличению русского православия — духовного оплота самодержавия и крепостничества, злейшего врага передовой культуры, науки и просвещения. В те времена открытая публицистическая критика религии и особенно православия в условиях жестокой царской и духовной цензуры была не только сопряжена с громадными трудностями в смысле публикации атеистических произведений, но и чревата беспощадной расправой. Совершенно открыто, не прибегая к эзоповскому языку, Шашков смело нападал на православную церковь, публично разоблачал ее реакционность и враждебность социальному прогрессу. Опираясь на неопровержимые факты, он доказывал, что православие, как христианство в целом, насаждает косность, рутину, невежество, суеверие, дикий фанатизм, искажая и коверкая, таким образом, естественные чувства и сознание верующих, проповедуя покорность и терпение, оправдывая порабощение и эксплуатацию народных масс. В статье «Недуги русского общества XVIII века» Шашков отмечал: «Невежество препятствовало развитию духа рационализма и поддерживало в обществе множество диких предрассудков, созданных предыдущими веками...»¹.

Чувство глубокого омерзения у Шашкова вызывало стремление православных клерикалов скомпрометировать в глазах русского общества не только отечественную прогрессивную мысль, но и передовую культуру и науку народов Запада. Православные клерикалы, указывая на, называли ученых Запада исчадиями ада, а науку, искусство и философию — делом сатаны. В работе «История русской женщины» Шашков утверждал, что со времени установления православия в России «свободное мышление считалось преступлением, Европа — страной отверженных еретиков»².

Стремясь подавить активность разума, православная церковь в своих обращениях к верующим, как отмечал Шашков, назойливо призвала: «Братие, не высокоумствуйте! Аще кто ти речет: веси ли философию? и ты ему рцы: еллинских борзостей не текох, ни с мудрыми фило-

¹ Ж. «Дело», 1873 г., № 12, стр. 309.

² С. С. Шашков, Собр. соч., т. 1, СПб., 1898, стр. 740.

софами не бывах. Учися держать ум; высочайшего не ищи, глубочайшего не испытай, но елико ти предано сие содержи»¹.

Шашкову было ясно, что православная, как и всякая иная церковь, препятствует общественному прогрессу. Самодержавие использовало любую религию и религиозные секты в качестве орудия духовного закабаления народных масс. Именно с этой целью министр народного просвещения Голицын, «поклонник всевозможных мистических сект, даже хлыстовщины; покровительствовал всем им и старался вести дело народного просвещения «в духе священного союза». Ханжи и пустосвяты, всевозможные религиозные шарлатаны и сумасброды, иезуиты и хлысты, масоны и раскольники развернулись совершенно свободно... Но терпимость к религиям соединялась с крайней нетерпимостью к науке и разуму, что ведут к «разрушению алтарей и тронов»². Шашков писал, что разные церкви хотя и «враждовали друг с другом, но в то же время всех их объединяла вражда к науке и разуму. Староверы, вроде Шишкова, пели в унисон с иезуитом де-Местром, а всевозможные сектанты совершенно сходились в этом отношении со своими ярыми гонителями, вроде Фотия»³.

Эти имена названы не случайно. В их лице Шашков видел прежде всего ярых защитников махрового ретроградства. Так, де-Местр, один из активных проводников европейской реакции в России, используя расположение к себе Александра I, добивался строжайшего ограничения взглядов учащихся на вселенную рамками библейской легенды о сотворении мира богом, решительно отвергал все научные гипотезы о происхождении солнечной системы, которые он назвал «космогоническими бреднями новейшего изделия».

Шашкова не удивляло такое парадоксальное явление, когда одним из активнейших единомышленников иезуита де-Местра оказался законченный старовер адмирал А. С. Шишков, заменивший в 1824 году Голицына на посту министра народного просвещения. Став, по выражению Карамзина, «министром народного затемнения», который не был единственным в этом роде, как едко заметил Шашков, он поспешил усилить меры, направленные на подавление передовой научной мысли, которая «ядовитее и опаснее змеи». Шашков не без иронии писал, что «причину мятежей, революций, царевбийств, безбожия наивный адмирал видел в слабости цензуры!... В непонятном для него философском языке тогдашних ученых он прозревал орудие революционной интриги»⁴.

От этих погромщиков науки и прогресса не отставал митрополит православной церкви Фотий, активно помогавший самодержавию насаждать аракчеевщину в учебных заведениях страны.

Шашков гневно протестовал против всякого рода инсинуаций и пасквилей на передовых деятелей науки и искусства, непрестанно сочинявшихся Булгариным, Магницким, Абрамовым, Руничем, Платоном и прочими так называемыми правительственными и церковными попечителями. Глубокое возмущение у него вызывали драконовские меры синода против издания передовой научной и художественной литературы. Монопольное право контроля за изданиями синод получил из рук царского правительства. В специальном указе сената содержалось категорическое требование «без повеления синода никаких книг не печатать». Однако цензурные барьеры не в силах были сдерживать развитие передовой научной мысли, обретающей все большее число новых привер-

¹ С. С. Шашков. Собр. соч., т. 2, СПб., 1898, стр. 234.

² Там же, стр. 357.

³ Там же, 357—358.

⁴ Там же, стр. 375.

женцев. Такое явление, по мнению Шашкова, содействовало выходу в свет «еретических», «богопротивных» книг. В частности, его внимание привлекла книга французского мыслителя Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», переведенная А. Д. Кантемиром и представленная им в 1730 г. в Академию наук. 16 лет перевод трактата Фонтенеля пролежал в Академии наук, дожидаясь своего выхода в свет. И только в 1746 г. он был напечатан, но уже в 1756 г. книга была запрещена.

Достоинство произведения Фонтенеля Шашков видел в том, что на его страницах излагалась гелиоцентрическая система мира, которая никак не согласовалась с библейской легендой о сотворении мира богом. Для Шашкова было ясно, что книга Фонтенеля и примечания к ней Кантемира сыграли значительную роль в распространении в России передовой гелиоцентрической системы Коперника и Галилея.

В связи с опубликованием трактата Фонтенеля и печатанием в академическом журнале «Ежемесячные сочинения» статей и переводов, утверждавших множество миров (тем самым противных христианской вере), синод обвинил Академию наук в распространении безбожия и потребовал прекратить издание научных работ «как о множестве миров, так и о всяком другом, вере святой противном и с честными правителями несогласным, под угрозой жесточайшего за преступления наказания».

Достойную отповедь церковникам дал Ломоносов в своем «Гимне бороде». Выступление Ломоносова вызвало страшную бурю в стане «архистратегов русской благонамеренности». Губернатор Тредьяковский в своем доносе писал: «Автор «Гимна» явил безбожное свое намерение и желание, чтобы обругать христианское учение и таинства веры нашей». Синод потребовал сжечь под виселицей «соблазнительный и ругательный пасквиль», а его автора подвергнуть строжайшему наказанию. Только вмешательство всесильного тогда графа Шувалова спасло Ломоносова от жестокой кары.

Почему же «Гимн» Ломоносова вызвал такой ужасный переполох и негодование в стане мракобесов? Потому, — справедливо отвечал Шашков, — что в этом замечательном стихотворении, полном сарказма и написанном живым народным языком, Ломоносов остроумно высмеивал лживую религиозную мораль православной церкви, ханжество, корыстолюбие, разврат, невежество и прочие мерзости, присущие не только клерикалам, но и светским ретроgrадам. В «Гимне» подчеркивается, что без бороды:

Дураки, ввали, пролазы
Были б без нея безглазы;
Им в глаза плевал бы всяк, —
Ею цел и здрав их зрак!...
Мать дородства и умов,
Мать достатка и чинов,
Корень действий невозможных,
О, завеса мнений ложных!...

Шашков правильно представлял себе, что в «Гимне» борода выступает «завесой мнений ложных» потому, что ее носили в те времена закоренелые адепты старины и мракобесия. Выступая на стороне Ломоносова и в его защиту, Шашков с чувством национальной гордости писал: «Среди этого реакционного хаоса невольно привлекает к себе внимание замечательная личность Ломоносова, который в эту эпоху реакции и безделья энергично поддерживал просветительное дело Петра, блистательно защищая права науки и разума и будучи «первым русским университетом»... и в нравственном отношении не может не воз-

буждать нашего сочувствия этот гениальный крестьянин, который среди общества, насквозь пропитанного раболопием, смело заявил о себе: «не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господ бога!»¹.

Шашков писал: «Явление Ломоносова все более и более убеждало, что «может собственных Невтонов и гордых разумом Платонов российская земля рождать». Он с радостью отмечал заметный рост числа последователей Ломоносова, их выступления против гнета православной церкви. Наряду с этим Шашкову было ясно, что православные изуверы были рады любой неудаче деятелей науки. В частности, он напоминал своим читателям, что «смерть ученого Рихмана, объяснена в Петербурге, как наказание за дерзностное проникновение в тайны божии»².

Как известно, Ломоносов и академик Г. В. Рихман с помощью сконструированных ими «громовых машин» занимались изучением атмосферных разрядов. В 1753 г. Рихман при наблюдении атмосферных разрядов во время грозы был убит молнией. Этот трагический случай явился одним из поводов для новых нападок церкви против науки и ее представителей. Православие неизменно выступало против всего нового в развитии науки и просвещения.

Резкой критике подвергал Шашков православных клерикалов за тот произвол, который они учили вместе с царскими попечителями в Петербургском, Московском, Казанском, Харьковском и других университетах страны. Среди жертв произвола Шашков называл имена Рулье, Больцани, Якоби, Куницына, Срезневского, Мейера, Грановского, Щапова, Елисеева, Лубкина, Германа, Паррота, Плисова, Лодия и многих других ученых. Их обвиняли в безбожии, революционерстве, государственной измене, робеспьеризме и прочих грехах.

Говоря о преследовании реакционерами Шада — профессора философии Харьковского университета, — Шашков писал, что русских клерикалов приводила в трепет даже идеалистическая в своей основе немецкая философия Канта, Шеллинга, последователем которой был Шад. В качестве аргумента Шашков приводит выписку из доклада архиепископа Феофилакта, где было сказано: «Кантовой философии есть цель двоякая: ниспровержение христианства и замещение оною безбожием... Кантова философия в Германии славилась не более двадцати лет. Несмотря на краткость времени, столько вреда от нея последовало, что и религия и политика против нее вооружились и заставили многих профессоров, закрывши кафедры кантова учения, удалиться из Германии в Россию»³.

Как свидетельствует Шашков, участь Шада постигла также профессора Петербургского университета Галича. Его обвинили в безбожии, в противопоставлении безбожного Канта самому Христу, а Шеллинга — святому духу.

Систематическое преследование прогрессивных деятелей науки и просвещения в России вызывало резкий протест со стороны Шашкова. Ссылаясь на многочисленные факты, он показывает, как по инициативе православных клерикалов изгонялись из университетских кафедр передовые ученые, а их место занимали бездарности и проходимцы от науки.

Вместе с тем Шашков подчеркивал, что травля и издевательства над передовыми учеными сочетались с походом против самой науки,

¹ С. С. Шашков. Собр. соч., т. 2, стр. 262.

² Дело, 1873, № 12, стр. 311.

³ С. С. Шашков. Собр. соч., т. 2, стр. 361.

которую церковники характеризовали «как орудие дьявола», «порождение ада» и прилагали все усилия, чтобы исключить физику, математику и другие естественные науки из университетских учебных программ или же, в крайнем случае, преподавание этих наук вести в религиозно-мистическом плане. В этой связи Шашков обратил внимание на написанную Магницким инструкцию, согласно которой «философию велено читать так, чтобы убедить слушателей, что все несогласное с разумом св. писания есть заблуждение и ложь и без всякой пощадy должно быть отвергаемо... Профессор физики обязан во все продолжение курса указывать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познаний окружающих нас чудес... Благоразумное преподавание политического права покажет, что правление монархическое есть древнейшее и установлено самим богом, что священная власть монархов исходит от бога и законодательство, в сем порядке устанавливаемое, есть выражение воли вышнего»¹.

В таком же теологическом духе Магницкий требовал преподавать медицину, математику, психологию, естественное право, логику, эстетику, историю литературы и другие предметы. Шашкова радовало то, что не все ученые слепо придерживались предписаний Магницкого. Однако встречались преподаватели вроде профессора Никольского, которые, руководствуясь инструкцией, в своих лекциях проповедовали магию и кабалистику.

Шашков цитирует выдержки из его лекций, чтобы публично посрамить ученых-мистиков: «В математике, — говорит Никольский, — содержатся превосходные подобия священных истин, христианскою верою возвешаемых. Например, как числа без единицы быть не может, так и вселенная, яко множество, без единого владыки существовать не может... В геометрии треугольник есть первый и простейший вид, святая церковь издревле употребляет треугольник символом господя, яко верховного геометра, зиждителя всей твари. Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ стретения правды и мира, правосудия и любви, через ходатая богов и человеков, соединившего горнее с дальним, небесное с земным»².

Вот какого рода «премудростями» набивали головы студентов в университетских аудиториях, с возмущением констатировал Шашков. Эти бредни, говорил он, не только убивали интерес к науке у студентов, но и окончательно губили ум той части учащихся, которая уже была заражена религиозно-мистическими иллюзиями и схоластикой.

Шашков пытался также выяснить, какую духовную пищу получал студент за пределами аудиторий. На собственном опыте он испытал, что молитвы, благочестивые беседы, чтение библии и других священных книг, обедни, молебни и тому подобное отнимали у студента большую часть его времени. Дело доходило до того, что, например, харьковским студентам под различными предлогами было запрещено посещать театр.

Шашков показывал, что от контроля попечителей и духовной цензуры не были свободны ни библиотеки, ни издательства; дамоклов меч цензуры отсекал живые мысли, где бы они ни появлялись. Он критиковал митрополита Платона и других православных клерикалов за то, что они требовали истребить «гнусные и юродивые порождения» французских энциклопедистов. Шашков с возмущением говорил о преследовании в России произведений Вольтера, Гольбаха, Дидро, Гельвеция, Даламбера, Мабли, Руссо, Вольтера, Гоббса, Локка, Свифта, Кондильяка, Рейналя, Г. Гроция, Ломоносова, Радищева, Герцена,

¹ С. С. Шашков. Собр. соч., т. 2, стр. 364.

² Там же, стр. 365.

Белинского, Чернышевского, Добролюбова и многих других выдающихся прогрессивных деятелей. Шашков клеймил осведомителя Абрамова, который в своем доносе на переводчиков произведений Гюйгенса и Фонтенеля писал, что «из гюйгенсовой и фонтенелевой печатных книжищ сатанинское коварство явно суть видимо... Землю же, с Коперником, около солнца обращающуюся и звезды многия толькими же солнцами быти и особые многия луны во многих глобусах быти утверждают... И прочая басенные, атеистические доводы, мнения, доказанья явно во оных книжищах разсевают, и самих их (т. е. авторов) в почтенных достоинствах и во властях быти попускают. Прилично заградить их нечестивые уста»¹.

Шашков, безусловно, был одним из наиболее активных и смелых борцов против русского православия, за полное торжество научной мысли в России. В своих трудах он показал подлинное лицо православных клерикалов, которые в союзе с царизмом использовали все средства, чтобы увековечить господство религиозно-теологического мировоззрения и затормозить развитие науки и просвещения в России.

Его критика реакционной идеологии русского православия была конкретной и действенной. Она была для него составной частью его борьбы против старого мира, за великие идеалы трудового народа. Сыграв большую роль в революционном, атеистическом воспитании передовых слоев молодежи России, критика эта не потеряла своего значения и в наши дни.

Всестороннее, критическое использование достижений атеистической мысли прошлого нашей Родины позволит сделать атеистическую пропаганду более конкретной, увлекательной, убедительной.

¹ С. С. Шашков. Собр. соч., т. 2, стр. 258—259.

ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На кафедре диалектического и исторического материализма Харьковского университета состоялось обсуждение первых итогов конкретно-социологических исследований, проводимых социологической лабораторией, созданной при кафедре в декабре 1963 года. Главным направлением научной работы лаборатории избрано исследование становления коммунистического самоуправления. Основная тема исследования на 1964—1966 гг. — «Общественные начала в управлении производством».

Базовыми предприятиями для проведения исследования являются машиностроительные заводы г. Харькова. Цель исследования — выяснить место, роль общественных организаций в управлении производством, определить их соотношение друг с другом и администрацией, а также проанализировать воспитательное значение развития производственной демократии, проследить, как участие в общественной работе содействует формированию высоких нравственных качеств личности.

В соответствии с программой исследования на заводах «Серп и молот», Кондиционеров, Электромеханическом были проведены теоретические конференции по теме «Общественные начала в управлении производством».

Как первый шаг в исследовании конференции оказались, безусловно, полезными. Они позволили привлечь внимание заводской общественности к проблеме развития производственной демократии, выяснить общественное мнение по ряду вопросов.

В процессе подготовки и проведения конференций к исследованию были привлечены работники заводов, собран первый фактический материал относительно места и роли общественных организаций в управлении производством, выработаны некоторые практические рекомендации по улучшению их деятельности.

По итогам конференций работники кафедры и социологической лаборатории выступили со статьями в областной газете «Красное знамя».

Вместе с тем опыт показывает, что проведение конференций не может служить основным методом исследования. Обязательным условием конкретно-социологического анализа должно быть тщательное и глубокое изучение статистических данных, текущих и архивных материалов работы общественных организаций и администрации. Важную роль играет также непосредственное наблюдение за изучаемыми процессами, беседы по заранее разработанной программе, анкетирование, проведение совещаний с различными группами общественников, обсуждение вопросов и предложений в партийных, профсоюзных, комсомольских организациях и т. д.

Несколько слов по поводу анкетирования. На собственном опыте мы убедились в том, что анкетирование требует длительной и обстоятельной подготовки: верного выбора объектов, конкретной постановки вопросов, внимательно продуманной методики, техники и организации, проверки путем сопоставления с объективными данными, пробных опросов и т. д.

Успех исследования в решающей степени зависит от общественного мнения, которое складывается по этому поводу, от того, насколько общественность заинтересована в изучении поставленных вопросов, от активного участия ее в этой работе.

В процессе исследования общественных начал в управлении производством, естественно, уточнялась программа самого исследования и его организация, выяснялись место и роль различных методов исследования и т. д.

Сейчас близится к завершению первый этап исследования — количественный и качественный анализ состава общественных организаций. Такой анализ, проведенный на некоторых машиностроительных заводах гор. Харькова, показал, что за последние годы значительно увеличилось число активистов, принимающих участие в организации и управлении производством. На заводе Кондиционеров, например, количество членов самостоятельных организаций возросло по сравнению с 1961 г. более чем в два раза. На Электромеханическом заводе в настоящее время каждый пятый принимает участие в работе общественных организаций.

Изучение состава общественных и самостоятельных организаций свидетельствует о том, что их основную массу составляют рабочие (75%). Из общего числа активистов в среднем более половины являются ударниками коммунистического труда.

В цехе № 4 завода Кондиционеров из 129 активистов 116 (90%) носят почетное звание ударника коммунистического труда.

Основной возрастной состав 19—30 лет. Характеристику возрастного состава в двух цехах завода «Серп и молот» дает, например, следующая таблица.

Цех	До 18 лет	19—30 лет	31—40 лет	Свыше 40 лет
МХ—2	—	88	65	34
МС—2	1	102	67	29

Более половины участников общественных организаций составляют лица со средним и высшим образованием.

Интересные данные получены в результате анализа степени участия в общественной жизни лиц разного пола. В ряде цехов число женщин-общественниц в процентном отношении к общему числу тружениц цеха превышает число мужчин. В цехе МХ-2 завода «Серп и молот» активно участвует в общественной жизни 17,9% женщин и 15,2% мужчин.

Изучение состава в то же время говорит о том, что в ряде цехов действительно активно участвует в общественной жизни только 15—18% работающих, хотя формально активистов числится в 2—3 раза больше. Еще слабо привлекаются к общественной работе кадровые рабочие с трудовым стажем более 20 лет, многие активисты перегружены.

В одном из цехов, например, из 580 работающих 68 человек выполняют 200 общественных поручений, в другом из 187 общественников 50 человек выполняют 153 поручения, т. е. каждый в среднем имеет по три поручения.

Обращает на себя внимание сравнительно низкий процент участия молодежи в самостоятельных организациях, привлекаемых непосредственно к решению вопросов организации и управления производством. Как правило, он не поднимается выше 17%.

Анализ состава организаций позволяет выяснить степень участия в общественной работе людей различного пола, возраста, специальности, квалификации и т. д., дает возможность выработать некоторые практические рекомендации относительно подбора и расстановки кадров общественников.

Опираясь на данные, полученные в результате качественного анализа состава актива, лаборатория приступила к анализу бюджета времени активиста-общественника. Особый интерес при этом представляет определение удельного веса времени, затраченного на общественную работу, в свободном времени, соотношение рабочего и свободного времени общественника, распределение времени у активиста и т. д.

Важнейшей задачей является также изучение взаимосвязи и взаимодействия общественных организаций друг с другом и администрацией.

В настоящее время на предприятиях, кроме партийных, профсоюзных, комсомольских организаций и ряда комиссий, создаваемых ими, действуют многочисленные общественные и самостоятельные организации, участвующие в решении вопросов, связанных с организацией и управлением производством, с осуществлением задач технического прогресса. Это постоянно действующие производственные совещания, общественные бюро экономического анализа, нормирования, общество изобретателей и рационализаторов, научно-техническое общество, совет новаторов, общественные конструкторские и технологические бюро, комиссии по приему и увольнению и др.

Деятельность этих организаций при хорошем руководстве ими приносит большую пользу. Зачастую они добиваются успеха и там, где не может решить вопрос администрация. Это объясняется авторитетом общественных организаций как органов самих масс, силой методов убеждения, которыми они пользуются. Так, например, в 1964 г. на Харьковском электромеханическом заводе по сравнению с 1963 г., благодаря широкому развитию движения «общественный заслон браку», брак снизился в 2 раза, а в некоторых цехах в 5—6 раз. При широком участии членов постоянно действующего совещания в цехе МС-2 на заводе «Серп и молот» в первом квартале 1964 г. внедрены мероприятия, давшие условную годовую экономию 64,5 тыс. руб.

Больших успехов добивается общественность в борьбе с текучестью рабочей силы. Когда на заводе Кондиционеров в 1964 г. стали активно работать комиссии рабочей чести, число уволившихся по собственному желанию уменьшилось по сравнению с 1963 годом в три раза. Подобных примеров можно привести очень много.

В то же время изучение деятельности общественности на харьковских заводах свидетельствует о том, что большинство самостоятельных организаций не имеет четкой структуры, многие дублируют друг друга по функциям, составу; отсутствует необходимая координация их деятельности. Все это заметно снижает эффективность работы общественности, ведет к непроизводительной трате времени и сил, ограничивает участие масс в управлении.

Дальнейшее расширение социалистической демократии, массовое развитие общественных начал в управлении производством настоятельно требуют улучшения структуры самостоятельных организаций и всей

системы общественных и самостоятельных организаций на предприятии, четкого определения их функций и координации их деятельности.

Полученные в результате исследования данные говорят о необходимости объединения целого ряда самостоятельных организаций, которые участвуют главным образом в решении вопросов планирования и организации производства, его экономической эффективности (постоянно действующие производственные совещания, бюро экономического анализа, нормирования), объединения усилий организаций, ведущих непосредственно борьбу за технический прогресс (научно-техническое общество, общество изобретателей и рационализаторов, совет новаторов, общественные конструкторские и технологические бюро, бюро технической информации и т. д.), координации их деятельности с соответствующими комиссиями партийных и профсоюзных комитетов, с администрацией.

Проверку выдвинутых гипотез и рекомендаций лаборатория планирует осуществить при помощи социального эксперимента.

Очень интересной стороной проблемы развития общественных начал является воспитательная сила производственной демократии. Программа исследования предполагает анализ нравственных качеств и черт характера активистов-общественников, связанных прежде всего с развитием коммунистического отношения к обществу.

По своему характеру конкретно-социологические исследования являются комплексными, их проведение требует привлечения преподавателей различных общественных наук и практических работников.

В работе лаборатории принимают участие отдельные практические работники, преподаватели общественных наук вузов города, занимающиеся изучением вопросов развития коммунистического самоуправления; на ряде предприятий созданы первые социологические группы, работающие по программе и методике, разработанных лабораторией.

Однако актив социологической лаборатории еще не велик, и поэтому важнейшей задачей является создание на предприятиях работоспособных коллективов общественников-исследователей.

Конкретно-социологические исследования требуют серьезной теоретической подготовки и специальных знаний по методике и технике сбора и обработки материалов, знания социальной статистики, приемов качественного анализа, математических методов, логики. Проведению исследования на предприятии должно предшествовать тщательное изучение вопросов методики и техники, знакомство со специальной литературой и выбор конкретных методов, приемлемых для исследования общественных начал на определенных предприятиях.

Эффективными методами являются активное наблюдение и непосредственное участие самих исследователей в жизни коллектива, оказание необходимой практической помощи общественным организациям. Последнее в значительной степени обеспечивает успех исследования.

Одним из основных видов учебы работников и актива лаборатории должен стать постоянно действующий социологический семинар, организованный при кафедре философии.

Чрезвычайно важно установить тесные связи с другими социологическими лабораториями, систематически изучать их опыт.

Серьезные трудности в работе лаборатории связаны с недостаточной четкой организацией конкретно-социологических исследований в стране. Социологические исследования по своей природе требуют широких масштабов, а следовательно, четкой организации и централизации. Они совершенно несовместимы с кустарщиной. Об этом со всей очевидностью говорит уже первый опыт конкретно-социологических исследований.

В Москве, Ленинграде, Минске, Харькове занимаются вопросом о возрастании роли общественности в государственном и хозяйственном строительстве, изучают рожденные творчеством самих масс формы привлечения трудящихся к управлению государством и производством. Но эта работа по существу не координируется. Между тем место и роль различных общественных и самодеятельных организаций, конкретные задачи и перспективы их развития можно уяснить только на основе однотипного по своей методике сравнительного анализа, проведенного в различных районах страны.

Широкая и систематическая организация конкретно-социологических исследований как важнейшего средства познания и преобразования общественной жизни в условиях развернутого строительства коммунизма — настоящая потребность нашего времени, дело большой государственной важности.

Ю. Ф. Бухалов, Е. А. Якуба^в
взя

